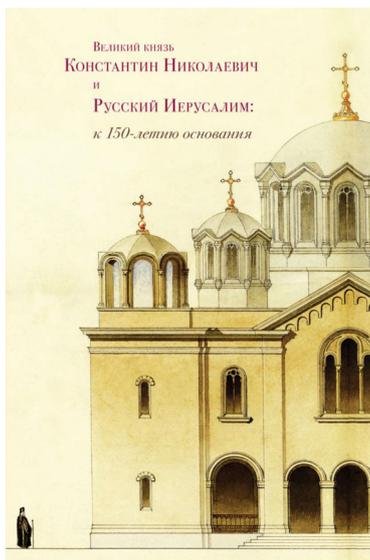

Великий князь
КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ
и
РУССКИЙ ИЕРУСАЛИМ:
к 150-летию основания

Сборник статей

**Великий князь Константин
Николаевич и Русский
Иерусалим: к 150-
летию основания**

«Индрик»

2012

УДК 94(569.4)
ББК 63.3(2)

Сборник статей

Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания / Сборник статей — «Индрик», 2012

Настоящая книга подготовлена по материалам научной конференции «Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания». Конференция прошла 27 января 2011 года в Москве в Государственном Архиве Российской Федерации в рамках проведения одноименной выставки. Исследования посвящены истории раннего периода устройства Русской Палестины на Святой Земле, проблемам, связанным с изучением этого явления в российской историографии и роли великого князя Константина Николаевича как инициатора «Иерусалимского проекта» России на Востоке после Крымской войны. В оформлении обложки использован рисунок Ф.И. Эппингера Проект фасада церкви св. Троицы в Иерусалиме из Архива Внешней политики Российской империи (Москва).

УДК 94(569.4)
ББК 63.3(2)

© Сборник статей, 2012
© Индрик, 2012

Содержание

К.А. Вах	7
В.Е. Воронин	12
К.А. Вах	16
Т.И. Крашенинникова	26
Конец ознакомительного фрагмента.	45

**Коллектив авторов
Великий князь Константин
Николаевич и Русский Иерусалим:
к 150-летию основания**

© Авторы статей, текст, 2012

© Издательство «Индрик», макет, оформление, 2012

К.А. Вах

Об изучении первого периода создания Русской Палестины. 1856-1864

«Иерусалимский проект», реализованный Россией на Ближнем Востоке в 1856–1864 гг. по инициативе великого князя Константина Николаевича до настоящего времени не стал предметом специального исторического исследования. В научной литературе о связанных с ним процессах говорилось в самых общих чертах, причем роль великого князя затрагивалась лишь эпизодически¹, а деятельность главного идеолога проекта Б.П. Мансурова в итоге оценивалась с отрицательной стороны². При этом и научные выводы о личном вкладе этих деятелей в начальный период устройства Русской Палестины, и даже констатация исторических фактов исследователями часто выглядят противоречиво³. Прежде всего, необходимо

¹ Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века: 1882–1907 / Вступ. ст. и послесл. Н.Н. Лисового. М., 2008. С. 100; Он же. Державные защитники и покровители Святой Земли и августейшие паломники у Живоносного Гроба // Дмитриевский А.А. Деятели Русской Палестины / Сост. и автор предисл. Н.Н. Лисовой. – М.-СПб., 2010. С. 22; Воронин В.В. Государственная деятельность великого князя Константина Николаевича (до начала 60-х гг. XIX в.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1996. С. 144–146; Лисовой Н.Н. Русское духовное присутствие в Святой Земле в XIX – начале XX в. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 2 т. Т.1. М., 2000. С. 21, 23; Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006. С. 109–112.

² Общий негативный тон в оценке личности и деятельности Б.П. Мансурова был задан еще первыми деятелями ИППО В.Н. Хитрово и А.А. Дмитриевским. В настоящее время попытка немного смягчить критерии оценки сделана Н.Н. Лисовым, который рассматривает Мансурова как трагическую фигуру в истории становления Русской Палестины. См: Лисовой Н.Н. Люди Русской Палестины в изображении А.А. Дмитриевского // Дмитриевский А.А. Деятели Русской Палестины / Сост. и автор предисл. Н.Н. Лисовой. М.-СПб., 2010. С. 11–12. Полноценно судить о действительном значении Б.П. Мансурова для судеб Русской Палестины и его вкладе в утверждение российского влияния в Святой Земле можно будет только после создания полной научной биографии Бориса Павловича, появления монографии о деятельности Палестинского Комитета и Палестинской комиссии, а также научного переиздания с комментарием и аппаратом изданных ранее книг Б.П. Мансурова о Святой Земле.

³ Впервые к исследованию деятельности Палестинского комитета обратился А.А. Дмитриевский. В настоящее время его выводы, касающиеся рассматриваемых нами вопросов, требуют критической перепроверки. Кроме встречающейся иногда явно тенденциозной группировки материала, произвольных подстановок фрагментов одного и того же документа (особенно, когда речь идет о цитируемых им письмах), в работах исследователя нередко встречаются фактические ошибки, иногда сомнительные курьезы, каковой является фраза о том, что рождение у Константина Николаевича и его супруги второго сына Константина было «плодом их горячей молитвы на святых местах». См: Дмитриевский А.А. Памяти в Бозе почившей первой августейшей паломницы в Св. Землю Ее Императорского Высочества великой княгини Александры Иосифовны // Дмитриевский А.А. Деятели Русской Палестины С. 45. Классическим примером постановки проблемы с ног на голову служит работа архимандрита Никодима (Ротова), в которой причины создания РОПиТ и консульства в Иерусалиме объясняются нежеланием официального Петербурга «примириться с тем, что Русская Церковь в лице умного и независимого архиерея представлена в Иерусалиме, что где-то Церковь вышла из общей системы подчинения светской власти», представлять которую (т. е. российскую власть) в Палестине, по мысли автора, намеревался «откуда-то самозародившийся и никому уже не подчиненный Палестинский Комитет» (Никодим (Ротов), архимандрит. История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Л., 1959. С. 171–172). В том, что старые штампы живут очень долго, можно убедиться, читая работы даже такого крупного современного исследователя Русской Палестины, как Н.Н. Лисовой, написавшего, что «по окончании войны, вопреки ее тяжелым для России результатам, русской дипломатии удается осуществить прорыв именно на иерусалимском направлении – используя <...> легко поддающуюся активизации стихию русского православного паломничества». См: Лисовой Н.Н. Императорское Православное Палестинское Общество: 125 лет служения церкви и России // Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века: 1882–1907. С. 373. Важно, что как раз от стихии русского паломничества, т. е. от проблем и нужд русских паломников в Палестине, российская дипломатия времен А.М. Горчакова всемерно старалась отстраниться. Хронология российской деятельности в Палестине после Крымской войны в период с 1856 по 1864 г. также требует уточнений. Так И.Ю. Смирнова, опираясь на труды Н.Н. Лисового, использует следующую последовательность: начало всего – 23 марта 1857 г., т. е. дата утверждения императором всеподданнейшего доклада А.М. Горчакова о возобновлении Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Причем, этот доклад, по утверждению исследовательницы, «вызвал всеобщий – и в первую очередь в высочайших кругах – интерес к русскому присутствию в Палестине»; осень 1857 г. – назначение начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме; возникновение идеи создания Благотворительного Комитета под покровительством императрицы

дать краткую характеристику используемому нами понятию⁴ и обозначить хронологические границы этого исторического явления. «Иерусалимский проект» был разработан при Морском министерстве и инициирован лично великим князем Константином Николаевичем как часть другого проекта по созданию на Черном море Русского Общества Пароходства и Торговли (РОПиТ). Несмотря на то, что большая часть деятельности РОПиТ должна была проходить за пределами страны, МИД России, в силу особенностей исторического момента, изначально не был привлечен к разработке и реализации проекта и представители дипломатического ведомства вынуждены были встраиваться в его структуру уже после того, как он был запущен. Главной задачей проекта РОПиТ, по мысли его учредителей, было восстановление российского влияния в Османской империи на новых принципах, неуязвимых с точки зрения настороженно-недоброжелательного по отношению к России тренда в европейской дипломатии тех лет. Восстановление «религиозного, а следовательно и политического влияния» ставилось разработчиками в зависимость от создания в России «новых и особых денежных источников, которые могли бы быть обращены на улучшение <...> всей обстановки, определяющей там наше значение пред свидетелями нашей деятельности»⁵. Основной идеей проекта была мысль о возможности для России при решении политических и церковно-дипломатических задач на Ближнем Востоке использовать новый инструмент: активную коммерческую деятельность частных российских компаний. В основание проекта РОПиТ было положено существование а priori общности стратегических интересов частного капитала и государства. Эта общность интересов должна была стать особенно явной в случае широкой экспансии российского бизнеса на Православном Востоке. Концепция проекта предполагала обращение усилий всех его участников исключительно на российские национальные интересы в Османской империи, «т. е. на практическое и вещественное выражение оных вне отечества» как «единственное доступное для нас средство утвердить наше влияние после произошедшего переворота в положении восточных дел»⁶. К собственным интересам России в регионе относилось: «возвышение нравственного и общественного достоинства наших агентов на Востоке, размножение числа оных, сравнение их средств, со средствами тех, против кого им приходится действовать, не жаление денег там, где тысячами можно приобрести или сохранить сотни тысяч, возможное обеспечение жизни и положения наших соотечественников, живущих и путешествующих на Востоке, принятие под русское покровительство всех, кто того желает, радикальное уничтожение ненужных и вредных формальностей, наконец основание на Востоке русских заведений для русских и собственно для достоинства Русской Церкви и Русского имени, не зависимо от всяких пропагандных попыток и думая пока только о себе, а не о других. <...> Нам надобно быть более эгоистами, не расточать уверений в наших симпатиях, любить только себя и показывать, что мы о других

Марии Александровны и, наконец, перехват этой «женской» инициативы «более решительной и деловой партией великого князя Константина Николаевича». См: Смирнова И.Ю. Церковно-дипломатические отношения России и Иерусалимского Патриархата в первое десятилетие после Крымской войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 4 (142). История. Вып. 29. С. 101–102. Такая разнонаправленность взглядов, оценок и утверждений в отношении первого периода создания Русской Палестины происходит прежде всего из-за отсутствия новых фундаментальных исследований, основанных на критическом прочтении уже известных архивных документов, на изучении всего исторического контекста, в котором они были созданы, при обязательном привлечении нового архивного материала.

⁴ Идея структурировать в общих чертах историю российского присутствия в Святой Земле в соответствии с «проектами» отдельных государственных деятелей России принадлежит Н.Н. Лисовому. В его классификации есть пять крупных проектов, обладающих характерными отличительными особенностями, которые в процессе реализации, формировали модель духовного, политического и культурного представительства России в Палестине: проект К.В. Нессельроде, проект Б.П. Мансурова, проект архимандрита Антонина (Капустина), проект В.Н. Хитрово и проект И.В. Сталина. См: Лисовой Н.Н. Русское духовное присутствие в Святой Земле в XIX – начале XX в. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 2 т. Т.1. М., 2000. С. 17–36.

⁵ [Мансуров Б.П. Православные поклонники в Палестине. СПб., 1857.] С. 200.

⁶ Там же. С. 201–202.

мало заботимся, зорко наблюдать за всем, никогда не упускать случая пользоваться чужими ошибками, отбросить всякий сентиментализм и мысли о любви к нам и любви к другим, и никогда не довольствоваться тем, что успеем приобрести, а идти всегда далее»⁷. Так из проекта «РОПит» выделился самостоятельный проект создания российской инфраструктуры на Ближнем Востоке, и в первую очередь в Палестине. Таким был и политический манифест авторов и руководителей проекта в целом⁸.

В деловой переписке тех лет проект создания российской инфраструктуры в Святой Земле называли по-разному: то Иерусалимским проектом, то Иерусалимским делом. Палестинский комитет в первое время своего существования также официально назвался Иерусалимским комитетом. Это подчеркивало центральное место Иерусалима на выстроенной умозрительной схеме-карте размещения новых российских учреждений на Ближнем Востоке после Крымской войны. Поэтому и мы сочли возможным ввести в научный оборот термин «Иерусалимский проект» великого князя Константина Николаевича, тем самым связав его с именем человека, который вызвал его к жизни и обеспечил ему необходимую государственную поддержку в первый период его существования. При реализации «Иерусалимского проекта» его создателями был предложен принцип, сочетавший частную коммерческую деятельность РОПит с гуманитарной и благотворительной задачей попечения о русских паломниках на Ближнем Востоке. В свою очередь это давало возможность беспрепятственно создавать в странах библейского региона собственный плацдарм проникновения⁹, т. е. полномасштабную российскую инфраструктуру по примеру того, что уже делалось на Востоке странами Запада. В итоге, в Святой Земле появился по образному выражению Н.Н. Лисового, «один, может быть, из самых долгосрочных национальных проектов в истории России»¹⁰ известный в современной науке как Русская Палестина.

«Иерусалимский проект» великого князя Константина Николаевича просуществовал с ноября 1856 по 1864 г.: с момента откомандирования Морским министерством на Восток Б.П. Мансурова и до того момента, когда строительство на русском участке близ Яффских ворот Иерусалима официально завершилось.

В очерке А.А. Дмитриевского о державных защитниках и августейших паломниках Святой Земли основание русских подворий в Иерусалиме приписано инициативе императора Александра II, назначившего своего брата Константина исполнителем высочайших предначертаний¹¹. Очевидно, что такая «верноподданническая» трактовка исторического материала есть общепринятый риторический прием российских исследователей, работавших в императорской России. Кроме того, чтобы преодолеть сопротивление руководства МИДа и возникавшие повсеместно бюрократические проволочки при реализации «Иерусалимского проекта», сам Константин Николаевич и его сотрудники не раз в документах ссылались на волю и прямое желание государя императора. Высочайшая воля служила и спосо-

⁷ Там же. С. 202.

⁸ Проект действий на Востоке, одобренный императором в качестве концепции, был сформулирован Б.П. Мансуровым и состоял из 19 пунктов. Там же. С. 119–199.

⁹ См: Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006. С. 109.

¹⁰ Лисовой Н.Н. Люди Русской Палестины в изображении А.А. Дмитриевского. С. 5.

¹¹ Державные защитники и покровители Святой Земли и августейшие паломники у Живоносного Гроба // Дмитриевский А.А. Деятели Русской Палестины / Сост. и автор предисл. Н.Н. Лисовой. – М.-СПб., 2010. С. 22–23. Сравни: «В 1858 г., как известно, Государю Императору Александру II благоугодно было, в своих неустанных заботах об улучшении быта русских паломников в Св. Земле, образовать особый, Высочайше утвержденный Палестинский Комитет и во главе его поставить своего старшего брата Его Императорское Высочество великого князя Константина Николаевича. Благодаря этому обстоятельству, ему представилась счастливая возможность побывать в Св. Земле, ознакомиться на месте с бытом наших паломников в Иерусалиме и сделать выбор необходимого места для русских паломнических подворий...». Памяти в Бозе почившей первой августейшей паломницы в Св. Землю Ее Императорского Высочества великой княгини Александры Иосифовны // Там же. С. 41.

бом защиты и средством давления: смотря по обстоятельствам. Важно то, что исследователь не пишет ничего более этого. О посещении великим князем Константином Николаевичем Иерусалима в 1859 г. Дмитриевский сообщает лишь в связи с кончиной его супруги, великой княгини Александры Иосифовны. В посвященном «первой августейшей паломнице в Святую Землю» очерке, историк упоминает о задачах великого князя в Палестине, занятого «исполнением высочайшего повеления касательно осмотра и приобретения удобных участков земли в Иерусалиме для устройства русских паломнических богоугодных заведений»¹².

Деятельность великого князя Константина Николаевича в исторических работах конца XIX – начала XX в. вообще была представлена мало. Его имя оказалось фактически вычеркнутым из официальной истории России в период царствования Александра III, в связи с резкой неприязнью, которую испытывал к своему дяде этот самодержец. Основанием для нее был и хорошо известный либерализм в убеждениях Константина Николаевича¹³, и обстоятельства его семейной жизни, на что особенно болезненно реагировали все дети императора Александра II. После воцарения Николая II ситуация немного изменилась. Константину Николаевичу стали отдавать должное как в трудах, посвященных истории российского флота, так и при изучении Великих реформ 60-х гг. При этом, его имя все равно осталось отрезано от истории русского присутствия в Святой Земле. Почему? Ответ может оказаться на поверхности, если мы вспомним, что практически единственным заказчиком и потенциальным арбитром подобных исторических исследований, как правило, выступало Императорское Православное Палестинское Общество. Создание Палестинского Общества, по сути, представляло собой возобновление независимой от МИДа общественной гуманитарной российской деятельности в Палестине. В этом смысле новое Палестинское Общество (с известными оговорками) было прямой аналогией прежнего «Иерусалимского проекта» великого князя Константина Николаевича¹⁴. Но в самом ИППО считали тактически не верным признавать такое родство¹⁵. Кроме этого официальным и признанным преемником Палестинского Комитета была Палестинская комиссия МИДа, с которой ИППО вынуждена была не один год вести бюрократическую войну за приобретение контроля над Русскими Постройками в Иерусалиме. В интересах Палестинского Общества было делать достоянием гласности тот негатив, который проявлялся в деле попечения о русских поклонниках в Пале-

¹² Там же. С 43.

¹³ Уже после своей отставки в письме к А.В. Головнину Константин Николаевич сформулировал свое отношение к новому царствованию следующими словами: «невозможно более править Россией ни армией солдат, ни армией чиновников». См. Воронин В.Е. Политические взгляды и замыслы великого князя Константина Николаевича в середине 1860-х годов // Отечественная история, № 5, 2007. С. 69. Александр III думал по-другому.

¹⁴ В своей деятельности на Востоке ИППО использовало инструменты, которые были предложены Б.П. Мансуровым в 1857 г. Подобно Мансурову главным двигателем и идеологом Палестинского общества был бескорыстный энтузиаст В.Н. Хитрово. Подобно Константину Николаевичу ИППО также возглавил брат императора великий князь Сергей Александрович. Как ранее Палестинский Комитет, так позднее и Палестинское Общество столкнулось с противодействием МИДа и представителей Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Основатель ИППО В.Н. Хитрово, как и основатель Иерусалимского проекта Б.П. Мансуров, вышел из Морского министерства, которым руководил генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич. Наличие многочисленных параллелей в судьбе и в палестинской деятельности между Хитрово и Мансуровым давно нуждается в составлении их сравнительного жизнеописания, что в свою очередь позволило бы другими глазами взглянуть на те противоречия, которые неотступно сопровождали деятельность всех российских организаций и учреждений в Святой Земле. Вместе с тем, утверждение, что предтечей ИППО был «Благотворительный комитет» императрицы Марии Александровны, «предвосхитивший идею Палестинского Общества», трудно доказуемо, в первую очередь из-за несопоставимых по качеству проработки задач и средств для их исполнения. См: Смирнова И.Ю. Церковно-дипломатические отношения России с Иерусалимским и Антиохийским Патриархатами (вторая треть XIX в.). На правах рукописи. Автореферат дисс. М. 2009. С. 27.

¹⁵ См. характерное письмо А.А. Дмитриевского вице-председателю ИППО Н.М. Аничкову, в котором исследователь пытается отстоять право писать историю ИППО в контексте истории Палестинского комитета и Палестинской Комиссии, называя их корневыми учреждениями для Палестинского Общества: Лисовой Н.Н. А.А. Дмитриевский и его труды по истории Русской Палестины // Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века: 1882–1907. М.-СПб., 2008. С. 33

стине со стороны Палестинской комиссии МИДа. В свою очередь, управляющим комиссией был Б.П. Мансуров, в прошлом ближайший сотрудник Константина Николаевича, которому великий князь продолжал оказывать поддержку. И поскольку для ИППО принципиально важно было показать резкое отличие результатов своей деятельности от всего того, что было создано в Святой Земле без участия Общества, – исторический заказ был критическим. Имя великого князя при этом не упоминалось в соответствии с нормами этикета: представителей правящей династии не принято было порицать публично. Но можно было просто о них молчать.

Как ни странно, но эта тенденция с трудом преодолевается лишь в наши дни. Личность великого князя в общих чертах получила освещение в ряде специальных изданий¹⁶. Фигура же Б.П. Мансурова по-прежнему остается в тени и исследование его роли в создании Русской Палестины все еще находится в зависимости от тех выводов, которые были сделаны А.А. Дмитриевским в начале XX в.

¹⁶ Воронин В.Е. Великий князь Константин Николаевич: становление государственного деятеля. М., 2002; Великий князь Константин Николаевич Романов. Эксклюзивный памятный фотоальбом / Автор-составитель В.И. Моцардо. Самара, 2004; Завьялова Л., Орлов К. Великий князь Константин Николаевич и великие князья Константиновичи: История семьи. СПб., 2009.

В.Е. Воронин

Роль Великого князя Константина Николаевича в обеспечении деятельности Русской Духовной Миссии в Палестине: по архивным документам

В 50-70-е гг. XIX в. великий князь Константин Николаевич – брат императора Александра II и генерал-адмирал русского флота, занимая высшие государственные посты, тем не менее, играл огромную роль в палестинских делах, в обеспечении деятельности Русской Духовной Миссии. Здесь ближайшими помощниками генерал-адмирала являлись Б.П. Мансуров и князь Д.А. Оболенский, состоявшие на службе в морском ведомстве.

Характер участия великого князя Константина Николаевича в палестинских делах раскрывает, в частности, коллекция документов Палестинского комитета и Азиатского департамента Министерства иностранных дел о деятельности Палестинского Общества в Сирии и Палестине, хранящаяся в Отделе рукописей Российской Национальной Библиотеки¹⁷.

В 1856 г. Б.П. Мансуров был командирован великим князем в Палестину по делам Русского Общества Пароходства и Торговли. Одной из задач Общества, учрежденного на Черном море сразу по окончании Крымской войны, была перевозка русских паломников в Святую Землю. В 1857 г. Мансуров, вернувшись из Иерусалима, доложил генерал-адмиралу о трудностях в устройстве быта паломников. Константин Николаевич, зная тяжелое положение государственных финансов, смело предложил использовать в данном деле частную благотворительность. В православных храмах России был начат «кружечный сбор» пожертвований, велась «подписка» средств в помощь паломникам. На вырученные средства, которые поступали в ведение руководимого князем Д.А. Оболенским Комиссариатского департамента Морского министерства, предполагалось строить приюты и больницы, нанимать на работу врачей и сестер милосердия. Все эти меры были одобрены государем по докладу генерал-адмирала 27 февраля 1858 г. Веским доводом в пользу данных мероприятий послужила выдача Комиссариатским департаментом 1,5 млн. рублей общественных пожертвований морским чинам, потерявшим имущество в Севастополе во время войны. В сентябре 1858 г. Мансуров вновь прибыл в Иерусалим и вместе с русским консулом (одновременно – агентом Русского Общества Пароходства и Торговли) В.И. Дорогобужинным приступил к покупке земель для русских приютов и к устройству «странноприимных заведений» в Яффе, Назарете, Рамалле и Иерусалиме. Средства на эти нужды поступали из Комиссариатского департамента. 12 февраля 1859 г. Мансуров представил государю «всеподданнейшую записку» о мерах по улучшению быта русских паломников в Палестине. Александр II утвердил предположения Мансурова. Во-первых, на постройку «богоугодных заведений» в Палестине было ассигновано 500 тыс. рублей серебром. Во-вторых, для рассмотрения дел, связанных с положением православных русских духовных учреждений и православных паломников на Востоке, учреждался «особый Комитет». Его полное название – Комитет для принятия мер к устройству в Палестине русских богоугодных заведений для православных поклонников, сокращенное – Палестинский комитет. Председателем Комитета, с 22 июня 1859 г., являлся великий князь Константин Николаевич. Членами Комитета были назначены: обер-прокурор Синода граф А.П. Толстой, директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел генерал-майор Е.П. Ковалевский, член Совета мини-

¹⁷ См.: Документы Палестинского комитета и Азиатского департамента о деятельности Палестинского Общества в Сирии и Палестине, собранные А.А. Дмитриевским // ОР РНБ. Ф. 253 (Дмитриевский А.А.). Д. 40.

стра финансов Г.П. Небольсин, директор Комиссариатского департамента Морского министерства князь Д.А. Оболенский, директор-распорядитель Русского Общества Пароходства и Торговли Н.А. Новосельский. Членом и управляющим делами Комитета (с января 1860 по май 1864 г.) был Б.П. Мансуров¹⁸.

Именно в конце 50-х – первой половине 60-х гг. XIX в. была проведена основная часть работ по строительству православных русских храмов и гостиниц для русских паломников («поклонников») в Палестине.

На заседании 15 апреля 1860 г. Палестинский комитет решил адресовать «духовному ведомству» свой запрос:

«1) в каком количестве церквей Империи заведены и выставлены особые кружки для сборов на улучшение быта Православных поклонников в Палестине, – 2) имеются ли подобные кружки в тех храмах, которые принадлежат не епархиальным, а особым ведомствам Главных священников Гвардии, Армии и Флота или разных отдельных управлений»¹⁹.

30 августа 1860 г. в Иерусалиме, по распоряжению великого князя Константина Николаевича, состоялось освящение русского храма в честь святого князя Александра Невского. В ноябре 1860 г., через месяц после кончины матери – вдовствующей императрицы Александры Федоровны, Александр II утвердил доклад брата, Константина, о строительстве церкви во имя святой царицы Александры²⁰.

В начале 1860-х гг. близ Иерусалима были построен комплекс русских храмов и зданий для размещения паломников. Его Блаженство Патриарх Иерусалимский Кирилл II в ноябре 1863 г. изъявил готовность «лично освятить» их, на что Константин Николаевич сообщил согласие русской стороны, ибо «такое благосклонное заявление Его Блаженства вполне соответствует сердечному желанию создателей русских церквей и зданий»²¹.

Морское ведомство щедро делилось с консульством и Русской Духовной Миссией в Иерусалиме всем необходимым. На заседании Палестинского комитета 12 июля 1859 г., журнал которого был высочайше утвержден, получила поддержку идея Константина Николаевича передать «Иерусалимским заведениям» часть запасов упраздненных черноморских госпиталей. В апреле 1860 г. управляющий Морским министерством Н.Ф. Метлин представил ведомость с перечнем предметов, передаваемых «в Иерусалимские заведения»²².

При переводах денежных средств Палестинского комитета на строительство церквей и зданий Иерусалима не обходилось без потерь. В апреле 1860 г. Палестинский комитет обсуждал утрату около 8,5 % суммы, которая переводилась в Иерусалим при посредничестве Русского Общества Пароходства и Торговли и Одесского банкирского дома «Рафалович и К^о». Было одобрено предложение Константина Николаевича поручить членам Комитета Небольсину, Оболенскому и Новосельскому рассмотреть способы избежать «больших издержек» и спросить у министра финансов разрешение на получение Комитетом из Государственного казначейства золота «по нарицательной цене на потребные ежегодные расходы»²³. От имени Министерства финансов Небольсин дал положительный ответ на просьбу Палестинского комитета, предложив способы беспроцентного перечисления средств русским учреждениям в Иерусалиме²⁴.

¹⁸ Там же. Л. 45–48, 82–83.

¹⁹ Там же. Л. 58.

²⁰ Там же. Л. 51, 54.

²¹ Там же. Л. 38об.

²² Там же. Л. 57.

²³ Там же. Л. 56.

²⁴ Там же. Л. 59–60.

Известны и крупные личные пожертвования Константина Николаевича, вложенные в строительство и обустройство русских храмов в Палестине.

Глава Русской Духовной Миссии епископ Мелитопольский Кирилл (Наумов) посоветовал царскому брату, желавшему ознаменовать рождение сына – великого князя Константина Константиновича (в 1858 г.) благотворительными делами в Святой земле, «прислать несколько лампад для пещеры Рождества Христова в Вифлееме по просьбе Игумена». Константин Николаевич, у которого личное взаимопонимание с епископом Кириллом не сложилось еще во время пребывания в Палестине весной 1859 г., счел такое пожертвование недостаточным и высказал намерение «в память радостного события», пожертвовать свои средства на восстановление древнего православного храма Преображения Господня на горе Фаворской. В сентябре 1859 г. епископ Кирилл одобрил это начинание, назвав строительство церкви и обители на горе Фаворской «лучшим употреблением» пожертвования великого князя²⁵. Кроме собственных средств, Константин Николаевич выделил на строительство Фаворской церкви 3 тыс. рублей из средств Палестинского комитета. Но использование этих денег «по назначению» оказалось невозможным – об этом епископ Кирилл уведомил жертвователя в августе 1860 г. Тогда Константин Николаевич распорядился перечислить эти деньги в «общую Иерусалимскую кассу». Через год – в августе 1861 г. русский консул в Иерусалиме направил Константину Николаевичу рапорт с ходатайством главы Русской Духовной Миссии о передаче 3 тыс. рублей, выданных великим князем на постройку Фаворской церкви, в распоряжение «греческого» Иерусалимского Патриарха Кирилла II. Иерусалимская Патриархия заявила о намерении взяться за строительство Фаворской церкви. «Желательно бы было однако в этом им помочь. Какой был источник денег, предназначенных сперва на Фавор, и нельзя ли их возвратить?» – гласила резолюция Константина Николаевича²⁶. Иными словами, предполагалось вытребовать назад деньги, которые «общая Иерусалимская касса» могла уже ввести в оборот, а затем – вновь переадресовать эти 3 тыс. рублей на строительство Фаворского храма. Вместе с тем, великому князю не хотелось, чтобы эти средства оказались в полном распоряжении «строптивного» епископа Кирилла. Деньги удалось вернуть в кассу русского консульства в Иерусалиме, и в феврале 1862 г. Б.П. Мансуров предложил Константину Николаевичу удовлетворить ходатайство епископа, но передать деньги не ему, а русскому агенту в Хайфе г-ну Аверино – в виде «кредита». Агента следовало обязать расходовать полученную сумму «постепенно», выдавая необходимые части ее по прямым «требованиям строителя храма на Фаворе». Резолюция Константина была утвердительной: «Исполнить». Таким образом, средства, выделенные на строительство Фаворской церкви, должны были расходоваться исключительно по своему назначению, минуя как русское, так и греческое священноначалие. Последнее обстоятельство, конечно, обидело духовных лиц²⁷. Однако всем стало ясно, что расходование вложенных Палестинским комитетом средств будет находиться под самым тщательным контролем.

После своего назначения наместником в Царстве Польском Константин Николаевич возложил председательство в Комитете по устройству в Палестине русских богоугодных заведений для православных поклонников на своего близкого друга и соратника – министра народного просвещения А.В. Головнина, который в 1859 г. вместе с ним поклонился Св. Гробу Господню. Данное решение состоялось 22 мая 1862 г., оно было утверждено государем.

Находясь в мятежной Варшаве в 1862–1863 гг., Константин не переставал уделять внимание палестинским делам. Летом 1863 г. он вместе с супругой и детьми пожертвовал 6 тыс.

²⁵ Там же. Л. 1–2.

²⁶ Там же. Л. 7.

²⁷ Там же. Л. 7–8об.

рублей серебром на сооружение царских врат и иконостаса русской соборной церкви Святой Живоначальной Троицы в Иерусалиме²⁸.

Благодаря кружечным сборам, которые осуществлялись при личном содействии митрополита Московского Филарета (Дроздова), к весне 1864 г. были собраны необходимые средства на сооружение Троицкой церкви, а также здания Русской Духовной Миссии с домовою церковью во имя св. мученицы царицы Александры и обширных приютов для 350 паломников и 550 паломниц и госпиталя на 60 коек. К тому времени для русских богомольцев были открыты приюты временные в Яффе, Рамалле, Хайфе и Назарете. Таким образом, для проживания русских паломников в Святой Земле были созданы все необходимые условия. В апреле 1864 г. Константин Николаевич обратился к митрополиту Филарету с просьбой о продолжении «кружечных сборов», средства от которых должны были пойти на украшение и внутреннюю отделку русского Троицкого собора в Иерусалиме²⁹.

В последующие годы великий князь Константин Николаевич, несмотря на колоссальную занятость на посту председателя Государственного совета, не утратил интерес к палестинским делам. Представители Иерусалимского Патриарха иногда напрямую обращались к нему. В марте 1879 г. архимандрит Никодим, настоятель Иерусалимского подворья в Москве, именем Патриарха Иерофея просил великого князя Константина Николаевича и, через его посредство – русского императора, оказать содействие угнетаемой турками Иерусалимской Церкви: «...возлагаю надежду на милостивое и справедливое заступничество Вашего Императорского Высочества и надеюсь, что Его Императорское Величество, сожалея о страдании Матери Церквей, возвысит опять свою благодетельную руку и отдаст ей право, чтобы она этим, ставши на подобающее ей место, могла опять воздвигнуть все падшее и разрушенное, и отвратить все угрожающие Восточному Православию несчастья»³⁰. В связи с этой просьбой, 10 апреля 1879 г. Константин Николаевич имел совещание по «иерусалимским делам» с А.В. Головинным и Б.П. Мансуровым³¹. Через четыре года, в 1883 г., Никодим – «старый приятель» великого князя – был единогласно избран Иерусалимским Патриархом.

²⁸ Там же. Л. 100.

²⁹ Вел. кн. Константин Николаевич – митр. Филарету (Дроздову). 22 апреля 1864 г. // РГИА. Ф. 832 (митр. Филарета). Оп. 1. Д. 117. Л. 19-20об.

³⁰ Архимандрит Никодим – вел. кн. Константину Николаевичу. 8 марта 1879 г. // ОР РНБ. Ф. 208. Д. 319. Л. 1-9об.

³¹ Дневник вел. кн. Константина Николаевича // ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1162. Л. 34об.

К.А. Вах «Иерусалимский проект» России: Б.П. Мансуров и Русские постройки

В Государственном архиве Российской Федерации хранится личный фонд Бориса Павловича Мансурова (1826–1910). До настоящего времени не востребовавшимся источником изучения деятельности России на Православном Востоке после Крымской войны остается личная переписка Бориса Павловича со своим отцом Павлом Борисовичем Мансуровым и его письма к жене Марии Николаевне урожденной княжне Долгоруковой. Ранее эти материалы никогда не вводились в научный оборот³².

Б.П. Мансуров был автором новой для российской внешней политики *гуманитарной* и *экономической* концепции влияния в Палестине³³, которая реализовалась при поддержке и личном участии великого князя Константина Николаевича в 1856–1864 гг. С его именем связано устройство российской инфраструктуры в Святой Земле, открытие консульства, строительство первых русских храмов и паломнических приютов в Иерусалиме.

Письма Мансурова помогают определить хронологию и цели, для которых он посещает Иерусалим. В его переписке находится многочисленный «строительный» материал, который должен быть задействован при воссоздании полной истории русского присутствия в Святой Земле после Крымской войны.

Всего в период реализации «Иерусалимского проекта» в 1856–1864 гг. Мансуров побывал в Палестине шесть раз.

1. 1857 г. (январь – март) – первое посещение Святого Града по заданию великого князя Константина Николаевича с целью написания путеводителя для русских паломников ко святым местам. В процессе знакомства с палестинскими реалиями Мансуров вместо путеводителя пишет фундаментальный отчет о состоянии дел в Палестине и формулирует концепцию новой русской деятельности на Востоке.

2. 1858 г. (17 сентября – 3 ноября) – поездка в Иерусалим, совместно с архитектором М.И. Эппингером, для изучения условий строительства русских богоугодных заведений в Святом Граде и выбора земельных участков под будущие постройки. Тогда же принимается решение о целесообразности устройства русского подворья вне стен Старого города и создается временная паломническая инфраструктура в Святой Земле. Поездка совершалась из Парижа через Афины и Константинополь в Одессу и оттуда в Константинополь и Иерусалим на фоне возобновления деятельности РДМ во главе с епископом Кириллом (прибыли в Иерусалим 1 февраля 1858 г.). Из Одессы Мансуров едет совместно с назначенным первым русским консулом в Иерусалиме В.И. Доргобужинным. После отъезда Мансурова из Иерусалима через несколько дней, 9 ноября, отбыл в поездку по Сирии (в Бейрут) и епископ Кирилл (Наумов).

3. 1859 г. (май) – сопровождение великого князя Константина Николаевича во время его паломничества в Иерусалим.

4. 1860 г. (январь – первая половина февраля) – свадебное путешествие Б.П. и М.Н. Мансуровых через Палестину в Париж. В Иерусалиме и Константинополе завершается

³² Почти все письма написаны по-французски. Автор выражает искреннюю признательность И. Мироненко-Маренковой, просмотревшей всю переписку и составившей краткую выборку сведений, имеющих отношения к «Иерусалимскому проекту».

³³ Свои предложения на эту тему Б.П. Мансуров сформулировал в книге, опубликованной им по указанию великого князя Константина Николаевича в типографии Морского министерства без указания автора и названия в конце ноября 1857 г. См.: Мансуров Б.П. Православные поклонники в Палестине. СПб., 1857. 209 с.

оформление в собственность земель, приобретенных на имя российского правительства для построек русских богоугодных заведений. В Иерусалиме 1 января 1860 г. состоялось освящение места будущих построек. На русском участке начинаются подготовительные работы по исправлению старых и устройству новых цистерн, заготовке камня, возведению оградной стены.

5. 1860 г. (октябрь) – поездка для инспекции строительных работ в Иерусалиме и одновременно паломничество, которое Б.П. Мансуров совершает совместно с женой и отцом из Франции.

6. 1864 г. (январь-февраль) – приходование заказанных Палестинским комитетом грузов для обустройства домового церкви Русской Духовной Миссии, подворий и госпиталя, ревизия отчетов главного строителя, подготовка финансового отчета Палестинского комитета.

10 апреля 1864 г. Палестинский комитет был упразднен, а его дела перешли в ведение вновь созданной при Азиатском департаменте МИДа Палестинской комиссии. С этого времени вплоть до 1889 г., когда Палестинская комиссия в свою очередь слилась с ИППО, Б.П. Мансурову лишь раз пришлось побывать в Иерусалиме (в 1885 г.), т. е. 20 лет спустя. Таков был общий стиль управления палестинскими делами, принятый в российском МИДе того времени.

Собственно для истории строительства Русских подворий в Иерусалиме точкой отсчета можно считать вторую поездку Б.П. Мансурова на Восток осенью 1858 г. Она состоялась при участии архитектора и представителей заказчика, которым тогда номинально выступало Русское Общество Пароходство и Торговли. Все участники этой экспедиции имели самое непосредственное отношение к Морскому министерству. Единственным человеком, привлеченным великим князем в качестве эксперта со стороны должен был стать начальник первой Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Порфирий (Успенский). Но в связи с переносом согласованного ранее времени отъезда, Порфирий, с ведома Б.П. Мансурова, уехал из Одессы один прямо на Афон³⁴.

Следующим шагом, предварявшим начало строительства первых русских храмов и странноприимных заведений в Иерусалиме стало августейшее паломничество ко Гробу Господню великого князя Константина Николаевича в мае 1859 г. Участие в подготовке этой поездки со стороны Б.П. Мансурова было очень существенным, поскольку именно его аргументация и убедительность позволили получить согласие императора на путешествие великого князя и доставили проекту личное покровительство Александра II³⁵. 15 марта 1859 г. Мансуров следующим образом описал отцу все произошедшее тогда в столице:

«На путешествие великого князя в Иерусалим получено позволение, сам император сообщил ему об этом по телеграфу (это между нами, потому что все это хранится пока в тайне), я вижу императора каждый день. <...> Но самое приятное это то, что вчера утром я сделал императору доклад в час с четвертью, по окончании которого он одобрил и утвердил все, даже 500 000 руб., которые я просил, и заявил, что отныне берет мое дело под свое личное особое покровительство. Другим должностным лицам Его Величество сказал, что хочет, чтобы теперь меня рассматривали не как лицо, отстаивающее собственные проекты, а как исполнителя прямой, личной и сердечной воли Его Величества. Господь дал мне мужество не смутиться и не дрожать перед Его Величеством, я говорил прямо и открыто и получил

³⁴ О задачах и деятельности Порфирия на Афоне в связи с «Иерусалимским проектом» см: Вах К. А. Великий князь Константин Николаевич и Афон // Гора Афон/ Образы Святой Земли. М., 2011. С. 62–69.

³⁵ Подробнее об интриге, вокруг паломничества Константина Николаевича в Иерусалим и роли Б.П. Мансурова см: Вах К. А. Великий князь Константин Николаевич и Православный Восток. К 150-летию паломничества в Святую Землю // Россия-Восток. Контакт и конфликт мировоззрений: материалы XV Царскосельской научной конференции: сб. научных статей: в 2 ч. Ч. I. СПб., 2009. С. 46–59.

одобрение, так что в конце доклада Император сам пригласил меня поужинать с ним в тот же день вместе с князем Горчаковым и Оболенским, и объявил князю, чтобы на первый доклад он взял меня с собой, чтобы дать ему окончательные распоряжения.

Мое дело получило полный успех, и Император соизволил поблагодарить меня весьма любезно за все хорошее, что я сделал. Его Величество повторил несколько раз: не теряйте мужества и всегда рассчитывайте на меня, теперь вам покровительствую я. Я знаю, что повсюду вы встречаете мало сочувствия, я сумею вас поддержать, потому что сам теперь хочу, чтобы вы преуспели. То, о чем вы просите, справедливо, я считаю, что это можно исполнить и это будет исполнено»³⁶.

Период с середины 1859 по середину 1861 г. был наиболее значимым для истории «Иерусалимского проекта». После возвращения (14 июня 1859 г.) великого князя Константина Николаевича из его длительного заграничного путешествия, в Петербурге сразу же началась работа высочайше утвержденного Палестинского комитета. До этого момента собрания, которые проводились под председательством великого князя с участием представителей всех заинтересованных сторон (МИДа, РОПиТ, Синода и Министерства финансов), имели статус внутриведомственного комитета в структуре Морского министерства. Движущей силой проекта по-прежнему оставался великий князь Константин Николаевич. В письме к невесте Марии Николаевне Долгоруковой от 16-го июня 1859 г. Мансуров между прочим сообщает:

«Иерусалим более чем когда-либо стоит на повестке дня. <...> Великий князь после поездки в Иерусалим кажется очень дорожит этим делом, он сам хлопочет. <...> Я приехал сюда очень кстати и вовремя. Нас совершенно нелепо бранят»³⁷.

Из письма к отцу 19 июня 1859 г. мы узнаем дальнейшие подробности.

Император благосклонно принял и выслушал Мансурова. Уже после этого доклада был составлен окончательный план действий для нового Палестинского комитета, главой которого должен был стать великий князь. В связи с этим Мансурову было поручено составить новую записку, которую он должен был представить до своего отъезда в свадебное путешествие. При этом возникала необходимость нового посещения Иерусалима. Между прочим, в письме Мансуров сообщал отцу, что его будущая супруга после свадьбы желает сопровождать его в Палестину. Сам Борис Павлович также не хотел бы отказываться от этой новой поездки на Восток под предлогом семейных обстоятельств, так как, писал он, «затеянное дело дорого моему сердцу»³⁸.

1 июля 1859 г. состоялась бракосочетание Мансурова. Отец невесты князь Николай Васильевич Долгоруков счел необходимым испросить августейшее разрешение на эту свадьбу, которое было дано императором при том условии, что Мансуров не оставит иерусалимского дела³⁹. Через полгода после свадьбы в декабре 1859 г. новобрачные достигли Святого Града. 7 января 1860 г. Мансуров в Иерусалиме получает дружеское послание от А.В. Головина.

«Почтеннейший Борис Павлович.

Решительно Государь лучше всех нас здесь понимает Иерусалимское дело и лучше всех расположен к нему. Сегодня Его Величество утвердил журнальное постановление комитета о дозволении купить кушелевскую землю и приказал обсудить в Комитете и представить ему вопрос о том, в чьем владении быть госпиталю, и рассмотреть инструкцию консулу и при том выразил великому князю свое убеждение, что все заведения в Иерусалиме

³⁶ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 35. Л. 30-30об.

³⁷ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 37. Л. 7-70об.

³⁸ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 35. Л. 4-5об.

³⁹ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 2. Д. 739

должны быть в заведывании консула, а не епископа, что занятия консула и епископа должны быть весьма ясно разграничены, и что великий князь напрасно приказал передать госпиталь епископу в отмену собственного правильного распоряжения, сделанного в Иерусалиме. Великий князь сознался, что был неправ приказывая передать госпиталь опять Кириллу. Рассказывая мне это, великий князь выразил, что он обвиняет себя в том, что послушался меня и Оболенского. Государь выразил так же, что письмо Ваше к Тютчевой странно тем, что Вы будто в чем-то оправдываетесь. Великий князь сказал про это, что Вы полагали будто Императрица Вами недовольна. На это Ее Величество бывшая при всем разговоре сказала: *quelle idée!* Вы видите, что мы должны быть благодарны опять Государю и одному Государю за правильное направление всего дела. Вы получите официальное уведомление от Оболенского, а я спешил несколькими строками порадовать Вас»⁴⁰.

Этот документ дает возможность поставить вопрос о степени личного участия в проекте Александра II, в том числе и в деле о разграничении прав и функциональных задач между начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и российским иерусалимским консулом. До настоящего времени в немногочисленной научной литературе, затрагивающей проблематику взаимоотношений различных российских учреждений в Святой Земле, подобный вопрос не ставился.

Как раз когда молодая чета находилась в Святом Граде, император согласился с предложением великого князя Константина Николаевича и 11 января 1860 г. назначил Мансурова членом-управляющим делами Палестинского комитета с оставлением в звании статс-секретаря и по Морскому министерству⁴¹.

18 февраля 1860 г. молодожены уже осматривали памятники Александрии, впереди у них был Париж и встреча с Павлом Борисовичем Мансуровым отцом мужа Марии Николаевны. Маня, как именовали ее все знакомые и друзья, была беременна первенцем, рождения которого супруги ожидали в начале июня. Из Парижа Б.П. Мансуров, оставив супругу с отцом, один должен был вернуться в Россию для участия в подготовке технической документации и составления смет строительства первых русских богоугодных заведений в Иерусалиме. В Петербург он прибыл в конце марта 1860 г. и в конце апреля рассчитывал уехать назад, чтобы остальное время провести рядом с супругой.

На подготовку и утверждение проекта Русских построек в Иерусалиме оставалось не более одного месяца еще и потому, что и великий князь, и императорская семья, и двор, и князь А.М. Горчаков в мае обычно уезжали за границу. Поэтому решения по проекту принимались лишь в общих чертах, а их дальнейшая и окончательная проработка ложились на плечи архитектора М.И. Эппингера. Именно этот факт стал причиной, по которой Строительный технический комитет Морского министерства счел необходимым официально ограничить главного строителя «только утвержденными в главных чертах проектами и исчисленную суммой»⁴² и разрешил ему на месте вносить в проект построек любые изменения, которые он посчитает нужными сделать. Возможно в этот последний момент, вероятно с подачи А.М. Горчакова, согласовавшего свои действия с Синодом и получившего одобрение у императора, было принято решение разместить Русскую Духовную Миссию на предполагавшихся постройках. Это наспех проведенное решение повлекло за собой полное изменение внутреннего расклада всех сумм сметы и вызвало диссонанс в архитектурном плане и логике проекта. В итоге перепрофилирование под формат Русской Духовной Миссии здания мужского корпуса и устройство в нем особой домово́й церкви привело к уменьшению этажности другого симметричного здания в котором должны были размещаться паломницы-жен-

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 228. Л. 17-17об. Письмо датировано 7 декабря 1859 г.

⁴¹ Там же. Л. 16.

⁴² РГА ВМФ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 6586. Л. 7.

щины. Вопрос о появлении на территории Русских построек здания Русской Духовной Миссии также ставится нами впервые⁴³.

Три недели, проведенные Мансуровым в Петербурге во время подготовки проекта построек к высочайшему утверждению, подробно описаны самим Борисом Павловичем. Сразу после своего прибытия в столицу (в начале Страстной недели 28 или 29 марта 1860 г.) Мансуров был принят царем. Александр II, сообщал Мансуров отцу, «проводил меня в свой кабинет и усадил для беседы, он поблагодарил меня дважды. Великий князь был очарователен, великая княгиня Александра Иосифовна тоже. Все много говорили о тебе. Я еще не видел Императрицу, но не сомневаюсь, что буду очень хорошо принят. Все хорошо, очень хорошо»⁴⁴.

В Великий Четверг 31 марта (вероятно, с ведома А.М. Горчакова) состоялась встреча Мансурова с директором Азиатского департамента МИДа Е.П. Ковалевским, который выразил ему полное сочувствие во всем и в заключение предложил Мансурову возглавить департамент после его ухода. От этого предложения Мансуров отказался, как сам он признавался, «по многим причинам». В тот же день вновь назначенный в Иерусалим на место В.И. Доргобужина консул К.А. Соколов был с визитом у самого Бориса Павловича и очень ему понравился. «Он кажется славным и достойным человеком; говорю я совершенно беспристрастно. Кажется, он принимает дела близко к сердцу, а это самое главное»⁴⁵.

Дипломатические контакты Мансурова по линии МИДа продолжились и на следующий день, 1 апреля. О них он пишет к жене: «Сегодня утром я во второй раз видел Соколова, а после этого ходил к князю Горчакову, министру, с которым мы имели очень долгую и интересную беседу. Кажется, я его убедил во многом, так как он слушал меня внимательно и не слишком опровергал то, что называет моими обличительными речами. В целом, я доволен этим свиданием»⁴⁶.

Продолжил свое прерванное письмо к супруге Борис Павлович глубокой ночью: «Сейчас половина первого ночи. Я только что вернулся от Головнина, где мы с Оболенским втроем долго-долго обсуждали планы и проекты Эппингера, я им все показал. Головнин придерживался моего мнения, Оболенский, по большей части – противоположного. В понедельник в полдень я сделаю доклад у великого князя»⁴⁷.

Составление проекта и смет иерусалимских построек были окончены в день светлого праздника Христовой Пасхи 3 апреля 1860 г.⁴⁸ На следующий день Мансуров писал жене:

«Сегодня утром я сделал трехчасовой доклад у великого князя, он одобрил и подтвердил все планы в выражениях самых приятных для меня и для Эппингера, который также присутствовал. Главное теперь сделано, поскольку сам великий князь возьмется отстаивать наши труды в Комитете и получить одобрение Его Императорского Величества»⁴⁹. И далее: «В конце недели должно состояться большое заседание комитета. Спустя 15 дней я надеюсь уехать и на крыльях нестись, чтобы расцеловать тебя»⁵⁰.

Предваряя итоговую встречу с императором, перед официальным утверждением проекта русских иерусалимских построек, Мансурова пожелала видеть императрица Мария

⁴³ Подробнее см. Вах К.А. Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю. К 150-летию основания Русской Палестины. М., 2011. С. 46–58

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 990. Он. 1. Д. 38. Л. 121.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 990. Он. 1. Д. 38. Л. 117.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 38. Л. 114.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 38. Л. 114об.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 38. Л. 115.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 38. Л. 112.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 38. Л. 113.

Александровна «что бы рассеять все тревоги, в которые меня захотели погрузить»⁵¹. Речь шла о ситуации, складывавшейся вокруг епископа Мелитопольского Кирилла (Наумова), начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, которому покровительствовала императрица. Введенный в заблуждение первоначальной инструкцией МИДа, предоставлявшей на его усмотрение покупку земельных участков в Палестине и попечение о русских паломниках, епископ Кирилл требовал и от вновь созданного Палестинского комитета признания исключительности своего права как полномочного представителя Русской Церкви на Востоке распоряжаться устройством русских богоугодных заведений в Святой Земле. По своему статусу епископ был выше консула, что также создавало дисбаланс в отношениях между МИДом, Русской Духовной Миссией в Иерусалиме и Палестинской комиссией.

6-го апреля встреча Мансурова с Марией Александровной состоялась и прошла, по выражению Бориса Павловича, «очень хорошо во всех отношениях». Причем, после этой приватной аудиенции у императрицы Мансуров принял Александр II, «который осыпал меня любезностями», и даже цесаревич Николай Александрович⁵².

7-го апреля Борис Павлович вновь был приглашен на ужин во дворец. «Едва вернувшись в четверть четвертого, я нашел приглашение на ужин к Императору.<...> У императора ужинали: тетка Протасова, граф Блудов с дочерью (как и следовало ожидать, это было неизбежно), граф Рибопьер отец, князь Вяземский отец и Серж Урусов. Император и императрица были очень милы со мной во всех отношениях, и это уже было большой милостью пригласить меня на следующий день после того, как я был принят у императрицы. Поэтому я совершенно доволен. Их Величества сказали, что еще часто увидятся со мной до моего отъезда. Кажется, дело с годовым отпуском отлично устраивается»⁵³.

Еще через два дня в субботу 9-го числа Мансуров написал жене: «Мой ангел, сегодня утром я был у моего великого князя, чтобы говорить о делах, и пришел очень вовремя, т. к. он только что окончил мой труд. Он все одобрил и даже так подробно изучил вопрос, что сам наметил небольшой список вопросов, которые нужно решить. Я был очень доволен его взглядами, весьма сходными с моими. Я только что отослал свой труд членам Комитета, который должен собраться во вторник или среду вечером. К 17 <апреля> все будет окончено, если император одобрит наши доклады»⁵⁴.

Вопрос об отпуске для Б.П. Мансурова решился 8 апреля (в понедельник). По докладу великого князя император согласился уволить его на год за границу с сохранением содержания. Кроме этого, царь разрешил причислить архитектора М.И. Эппингера и его помощника В.А. Дорогулина к Морскому министерству и жаловал Эппингеру за труды по составлению проекта русских богоугодных заведений в Иерусалиме орден Св. Владимира 4-й степени. Об этих назначениях и о награде для архитектора хлопотал сам Борис Павлович. «Я полностью счастлив, что с ними все удачно сложилось, они очень мне помогли и верили мне»⁵⁵.

Теперь оставалось только пройти обсуждение проекта в Палестинском комитете и получить высочайшую резолюцию. Сначала комитет планировал собраться 13-го апреля, но Мансуров не успевал с подготовкой документации. Наконец в пятницу 15-го апреля состоялось финальное заседание Палестинского комитета.

«Сегодня утром собрался наш Комитет у великого князя, мы расстались лишь в половине пятого. Мы много дискутировали, но не спорили, царил мир и все устроилось к луч-

⁵¹ ГА РФ. Ф.990. Оп. 1. Д. 38. Л. 110об.

⁵² ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 38. Л. 109.

⁵³ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 38. Л. 107-107об.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 38. Л. 101.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 38. Л. 97.

шему. Все наши планы одобрены. Был лишь один дом, *дом для высших сословий*⁵⁶, которым мне пришлось пожертвовать. К счастью, это не окончательная жертва, поскольку мы отложили его постройку на то время, когда станем богаче. Я должен полностью переделать журнал к понедельнику, в тот день ожидается подтверждение от Е[го] И [императорского] Величества. В целом, я доволен, Эппингер тоже», сообщал Мансуров жене⁵⁷.

Великий князь Константин Николаевич приказал направить все материалы по предполагаемым постройкам для экспертного заключения в Строительный технический комитет Морского министерства, через которой должно было по предварительному плану осуществляться финансирование строительства. Заключение комитета и его рекомендации, представленные великому князю 17 апреля⁵⁸, также вошли в итоговый текст журнала Палестинского комитета, который должен был поступить на утверждение царю. Изготовлением окончательного варианта этого журнала занимался лично Мансуров.

«С 10 часов утра до половины третьего ночи я откладывал перо лишь чтобы пообедать. Мне нужно было переделать журнал, помогать в специальном исследовании планов и смет, поручить дважды все переписать и закончить все к 9 вечера. Я не смог, и лишь сегодня к 9 утра смог отнести проекты всего великому князю. Он все одобрил, но сегодняшней день был таким же, как вчерашний, т. к. несмотря на воскресный день нужно было все скопировать для императора, подписать бумаги у 6 членов и подготовить все к завтрашнему дню к 8 утра. Писарей нашли лишь к половине пятого вечера – хлопоты весь день – теперь пишут ночью. Меня должны разбудить в 6 часов утра, также и других членов и поймать великого князя прежде, чем он пойдет к императору. Завтра еще будет парад, послезавтра двор переезжает, если мы промедлим, возможно, задержимся еще на неделю»⁵⁹.

Наконец 18-го апреля великий князь Константин Николаевич представил журнал комитета царю. «Я пока ничего не знаю о результате доклада», – сообщал Мансуров⁶⁰. «Этот Петербург так устроен, что все планы и проекты связаны с тысячью обязательств. Было бы хорошо остаться здесь и больше не уезжать. Признаюсь, все обдумав, я буду очень рад, когда мы окончательно бросим здесь якорь», – сообщал он жене на следующий день⁶¹.

Утверждение журнала Палестинского комитета состоялось 21 апреля 1860 г. «Его Величество все одобрил и поставил на нашем докладе замечательное ИСПОЛНИТЬ»⁶².

В конце апреля Мансуров смог выехать из Петербурга в Париж, где уже готовились к рождению первенца. Мария Николаевна благополучно разрешилась от бремени 8 июня 1860 г., родив сына, названного Павлом в честь его деда. Получив официально долгожданный годовой отпуск, Мансуров, однако, не мог позволить себе устраниться от начатого дела. Поскольку обычные адресаты Бориса Павловича – отец и жена – были рядом, писем в его архиве за этот период сохранилось не много. Переписка, связанная с ходом построек в Иерусалиме, велась, преимущественно с А.В. Головинным и реже с Д.А. Оболенским и великим князем Константином Николаевичем. Переписка Мансурова с двумя последними в его архиве не сохранилась. А.В. Головин, в письме, отправленном за день до рождения у Марии Николаевны сына, 7 июня 1860 г., сообщал Мансурову, что перед его отъездом из Петербурга (в начале мая) «Эппингер принес мне прекрасные планы и два рисунка и великий князь приказал редакции Морского сборника налитографировать их со всевозможным тщанием,

⁵⁶ Здесь и далее курсивом выделены фразы, написанные по-русски.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. 990. Он. 1. Д. 38. Л. 90.

⁵⁸ РГА ВМФ. Ф. 84. Он. 1. Д. 6586. Л. 4.

⁵⁹ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 38. Л. 88-88об.

⁶⁰ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 38. Л. 86об.

⁶¹ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 38. Л. 84об.

⁶² ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 38. Л. 81.

а вместо вашей статьи, Его Высочество, согласно мнению Оболенского, поручил отцу Леониду написать статью несколько в другом роде. Мне кажется, что при известном расположении Министерства иностранных дел Оболенский во многом прав»⁶³. Нет сомнения, что рисунки, о которых идет речь, это два известных вида Русских построек, гравированных и литографированных в 60-х гг. XIX в. многими изданиями с целью привлечь внимание русского общества к проблеме русского паломничества к святым местам.

Дождавшись пока супруга восстановит силы после родов, в середине сентября Б.П. Мансуров с женой и отцом отправляются из Франции в Палестину. В Иерусалиме, судя по датам переписки, они пробыли весь октябрь, который вполне может считаться наиболее комфортным месяцем для пребывания в Святом Граде. Дружеское напутствие А.В. Головнина дает возможность почувствовать сложность царившей в среде русских насельников Святого Града атмосферы: «Я желаю Вам счастливого путешествия и в особенности большого счастья и сноровки в Иерусалиме, чтобы принести туда мир и любовь вместо печальных раздоров и ненависти, которые царят среди наших соотечественников, отзвуки которых, несмотря на расстояние, доходят и до сюда и вредят доброму делу. Кажется, что Иерусалим наделен печальной привилегией порождать недоразумения и недоброжелательство, поскольку здесь так и происходит, как только приходит какая-либо новость из святых мест. Оболенский напишет Вам об этом подробно, в письме, которое готовит для Вас»⁶⁴.

Посетив Палестину, семья вернулась во Францию, в Ниццу. Оттуда Борис Павлович продолжал поддерживать связь с великим князем Константином Николаевичем через А.В. Головнина. Существенным штрихом для характеристики отношения великого князя Константина Николаевича к начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме епископу Кириллу (Наумову) служит письмо А.В. Головнина. «Относительно преосвященного Кирилла он прямо сказал, что не верит голословным обвинениям без фактов, тем более, что ни от консула, ни от Эппингера не доходит никаких жалоб. Сообщаю все это совершенно откровенно для ваших соображений...»⁶⁵.

Таким образом, в назревавшем конфликте между Мансуровым и начальником Иерусалимской Миссии великий князь сразу занял нейтральную позицию, которая в данных обстоятельствах была скорее благожелательной по отношению к епископу Кириллу.

Наступил 1861 г., который стал переломным годом в судьбе России. Всю зиму царь, великий князь и все министры были заняты крестьянской реформой. В связи с этим Головнин писал, что отсутствие Мансурова в Петербурге принесло ему только пользу, поскольку он неминуемо оказался бы в стороне от общих дел и это повредило бы его карьере⁶⁶. Весной ситуация в столице еще обострилась и, по словам Головнина, стала плохо предсказуемой. Одного чиновника убирала за реакционные взгляды, другого за либеральные. На их место назначали тех, кто не имеет четких воззрений, вменяя это в достоинство. В итоге сам Головнин посоветовал Мансурову в будущем искать должности или управляющего делами Комитета министров или Государственного секретаря, «а до того не оставлять великого князя, оставаться в тени, писать историю Морского министерства и стараться чтоб об вас не говорили ни худого ни хорошего. Для этого нужно придаться на несколько времени наслаждениям семейной жизни и видеть небольшой кружок приятелей... Пребывание за границей в течении коего Вы не были предметом петербургских сплетен, много помогло Вам»⁶⁷. Об Иерусалимском проекте не было сказано ни одного слова.

⁶³ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 228. Л. 14-14об.

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 227. Л. 8.

⁶⁵ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 229. Л. 3.

⁶⁶ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 229. Л. 3-3об.

⁶⁷ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 229. Л. 7-7об.

К осени 1861 г. Мансуров с отцом, женой и сыном, вернулся в Петербург. Однако великого князя он не застал, поскольку тот еще летом уехал в отпуск за границу и планировал пробыть за пределами империи до конца года. В столице Мансуров столкнулся с тем, о чем его предупреждал Головнин: он был не у дел. Строительство в Иерусалиме шло своим чередом по заведенному порядку. Внешне все обстояло благополучно, но структурно многое поменялось. Участие великого князя в делах Палестинского комитета сократилось. Лишившись августейшего управления, он стал быстро терять свою самостоятельность в бюрократической системе государственной власти. В декабре 1861 г. ближайший помощник Константина Николаевича А.В. Головнин, возглавил Министерством народного просвещения. Едва быв назначен, он предложил Мансурову пост директора единственного в министерстве департамента. «Естественно, я согласился, поскольку не мог и не хотел оставаться без Головнина в Морском министерстве в очень неудобном положении»⁶⁸, сообщал он отцу, который незадолго до этого вновь уехал из Петербурга в Париж.

Теперь, кроме ставших привычными палестинских обязанностей, на него свалилась громадная работа, связанная с новым университетским уставом и реформой всего Министерства народного просвещения, которую затеял А.В. Головнин. «О моей службе могу тебе сказать, – пишет он отцу, – что дела мне очень много и что с Головниным просто радость служить. Казенной квартиры я не получу, но жалованье будет хорошее. Летом отпуска мне не будет, разве ненадолго, когда я найду себе вице-директора. Головнин, слава Богу, имеет кредит у Государя и работает усердно и прекрасно»⁶⁹.

В мае 1862 г. великий князь Константин Николаевич с подачи А.М. Горчакова становится наместником в Царстве Польском. С этого момента участие его в Иерусалимском проекте сильно сокращается. Председателем Палестинского комитета по просьбе великого князя назначается А.В. Головнин, а вся финансово-хозяйственная деятельность из Морского министерства переходит в департамент Б.П. Мансурова.

Следующая и последняя в рамках «Иерусалимского проекта» поездка Мансурова в Иерусалим состоялась зимой 1863–1864 гг. Красноречивые описания ее сохранилось в переписке Бориса Павловича⁷⁰. Но, по возвращении в Петербург, его ждал неприятный сюрприз: практически внезапное решение императора о ликвидации Палестинского комитета. Причем, это решение было подготовлено А.В. Головниным и А.М. Горчаковым за спиной Б.П. Мансурова. Последнее обстоятельство особенно оскорбило Мансурова и даже вызвало временный разрыв отношений между ним и Головниным.

«Мои иерусалимские дела получили энергичную и неожиданную развязку, какую умеет устраивать *Головнин* в некоторых ситуациях. Это было сюрпризом даже для меня самого, поскольку я считал, что мы ожидаем мнения великого князя Константина, который только что приехал. Вовсе нет: накануне приезда великого князя Головнин все уладил с князем Горчаковым. Наш комитет распущен и заменен специальной комиссией при Азиатском департаменте, где я буду президентом (*по форме*), в ее состав войду я, Игнатьев и представитель Синода. Таким образом Кривошеин устраняется, т. к. дела и деньги переходят в Азиатский департамент. У всякой вещи есть своя положительная и отрицательная сторона, и в целом такое решение можно считать удовлетворительным, поскольку Игнатьев и Стремухов выглядят очень расположенными к делу и ко мне. То, чего я опасался – это поглощение моих дел Синодом и клерикальное влияние.

Император очень милостиво и довольно раздал награды по Иерусалимскому делу. Эппингер получил орден Св. Анны на шею и разовое пособие в 800 руб., все остальные кре-

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 36. Л. 22

⁶⁹ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 36. Л. 18об.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 29 (на франц. яз.)

сты и подарки. Надеюсь, все будут довольны. Меня император наградил лентой Св. Анны, а Петерса – Св. Станиславом. Итак можешь поздравить меня к Пасхе с монаршею милостью»⁷¹.

Интересна реакция на эти известия отца Бориса Павловича, опытного и уже кончившего свой век чиновника. «Это настоящий триумф для тебя, мой дорогой друг: не назначение президентом, а то что комитет теперь стал частью Министерства иностранных дел, это очевидное доказательство того, что Премьер-министр, который находился в открытой оппозиции к работам, которые ты предпринял и счастливо окончил, настолько сменил свое мнение, что присоединил эти учреждения к азиатскому департаменту. Для тебя это полный успех и мне кажется, что теперь он должен прямо или косвенно принять сторону в пользу поддержки данных учреждений на уровне, приличном для нашей великой страны, и защищать их от всяких недоброжелательных нападок. С этой точки зрения это очень хорошо, но будет ли у твоих новых соратников усердие, священный пыл, чтобы завершить твоё начинание? Вот в чем вопрос»⁷². Вероятно, судьба Палестинского комитета действительно решилась между двумя министрами без участия императора, великого князя Константина Николаевича и Б.П. Мансурова.

Так завершилась эпоха «Иерусалимского проекта». Из всех, кто был причастен к его появлению на свет, если не считать А.М. Горчакова, который практически не интересовался Иерусалимом, через пять лет «при деле» остался один Борис Павлович Мансуров. Его соратниками были теперь новые люди со своими собственными интересами и взглядами на задачи Русских построек в Святом Граде. Но и само дело сильно изменилось: перестав быть императорским, оно стало министерским, что не могло не отразиться и на судьбе Русских построек, и на судьбе самого Б.П. Мансурова.

В заключение нужно сказать, что желание Бориса Павловича осесть в Петербурге, высказанное им в письме к жене в 1860 г., исполнилось очень быстро. Прошло двадцать лет, прежде чем он смог вновь выбраться в последний уже раз в Святую Землю. Эта поездка совершилась в 1885 г. и принадлежит к другому периоду в существовании Русских построек, связанному с деятельностью другого великого князя Сергея Александровича, возглавившего созданное в 1882 г. в Петербурге Православное Палестинское Общество, которое, таким образом, вернуло русской деятельности в Палестине прежний императорский статус.

⁷¹ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 29. Л. 73об.-74

⁷² ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 63. Л. 74-74об.

Т.И. Крашенинникова

Русское архитектурное наследие Иерусалима

История строительства паломнических учреждений, церквей и монастырей в Иерусалиме и вообще в Святой земле теснейшим образом связана с российской политикой в этом регионе, а стилевые особенности этих построек напрямую зависели от вкусов и пристрастий заказчиков этих сооружений, которые являлись первыми лицами государства или высокопоставленными чиновниками и священнослужителями, осуществлявшими руководство русскими учреждениями. Таким образом, невозможно рассматривать историю формирования архитектуры Русской Палестины, не учитывая тех изменений, которые происходили в русско-палестинских отношениях, тех процессов, которые оказали влияние на строительство. Как необходимо учитывать и те изменения, которые происходили в российской культурной политике, смену культурной парадигмы, которая также не могла не повлиять на русскую архитектуру в Палестине.

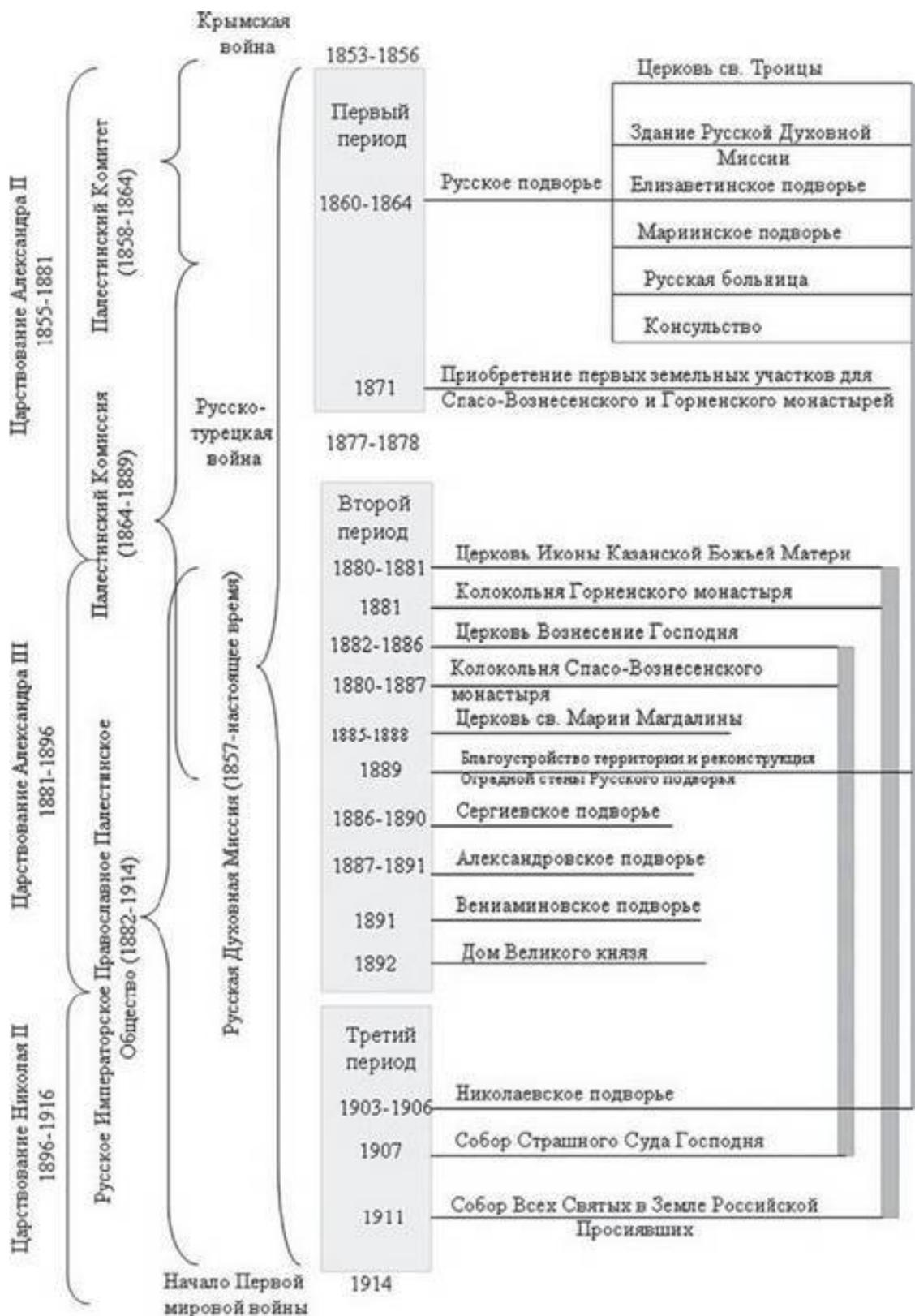
В возведении Русских построек в Иерусалиме можно выделить три основных периода, связанных, с одной стороны, с различными учреждениями, работавшими в это время в Святой Земле, с другой стороны, со сменой стилевых направлений, происходившей в русской архитектуре.

Первый период охватывает конец 1850-х – 1870-е гг. В это время официальными учреждениями, представлявшими Россию и Русскую Православную церковь в Иерусалиме, являлись Палестинский комитет, а после 1864 г. – Палестинская комиссия, консульство и Русская Духовная Миссия. В это время было построено Русское подворье (1860–1864), которое явилось главным русским паломническим центром в Иерусалиме и в котором были перемещены резиденция Русской Духовной Миссии и Русское консульство, то есть оно стало также и местом, где располагались российские официальные учреждения. В строительстве Русского подворья главную роль сыграл Палестинский комитет, возглавленный великим князем Константином Николаевичем. Силами Палестинского комитета были собраны средства на строительство, выкуплены участки, организован приезд в Иерусалим М.И. Эппингера, главного строителя подворья. В 1865 г. начальником РДМ становится Антонин (Капустин), начинается собирание Русской Палестины: он покупает земельные участки, занимается археологическими раскопками и изучением богатейшей истории древней провинции Византии. Русско-турецкая война прерывает на время процесс строительства.

Второй период практически совпадает с царствованием Александра III – начало 1880-х – 1890-е гг. В 1882 г. было образовано Православное Палестинское Общество, общественная организация, сыгравшая огромную роль в изучении и популяризации истории и культуры Палестины, в развитии образования и здравоохранения среди местных жителей, а также в строительстве паломнических подворий. Были построены Сергиевское (1886–1890) и Александровское (1887–1891) подворья. Архимандрит Антонин строит первые здания в Горней – церковь Казанской Божьей Матери (1880–1881) и колокольню (1881). В Вознесенском монастыре возводятся церковь Вознесения Господня (1882–1886) и колокольня – «Русская свеча» (1880–1887). В 1888 г. по заказу Александра III и его братьев был построен храм во имя св. Марии Магдалины в Гефсиманском саду, посвященный памяти императрицы Марии Александровны.

Третий период длился с конца 1890-х гг. до 1914 г., начала Первой Мировой войны, когда российская строительная деятельность в Святой Земле прекратилась почти на 100 лет. В начале XX в. в Иерусалиме был построен Южный корпус Николаевского подворья (1903–1906), начато строительства соборов в Спасо-Вознесенском (Страшного Суда Гос-

подня, 1907) и Горненском (Всех Святых в Земле Российской Просиявших, 1911) монастырях. Из-за начавшейся войны эти соборы достроены не были.

Основные этапы российской архитектурно-строительной деятельности в Иерусалиме.

В 1850-е гг., когда в России появилась возможность изучения подлинного византийского зодчества, памятники которого существовали в Грузии и Армении, началось развитие «археологизированного» направления «византийского стиля»⁷³. Пионером изучения и популяризации памятников византийской архитектуры был выпускник петербургской Академии Художеств Д.И. Гримм. Вышедшая в 1859 г. его книга «Византийские памятники Грузии и Армении», сыграла важную роль в развитии «византийского» стиля, став наглядным пособием для многих поколений архитекторов. Это направление «византийского стиля», опиравшееся на реальные архитектурные образцы в Грузии, Армении и на Балканах, просуществовало до рубежа XIX–XX вв. Оно предполагало максимально точное воспроизведение отдельных деталей и форм византийского зодчества, восходящих к соответствующим историческим прототипам. К числу таких форм, прежде всего, относятся полосатая кладка стен, пологие купола на барабанах, обработанных аркатурами, двух- и трехчастные окна с полуциркульными завершениями, четырехапсидные системы объемно-планировочной композиции (тетраконхи) и другие декоративные приемы.

Русское подворье. Литография, 1860-е гг.

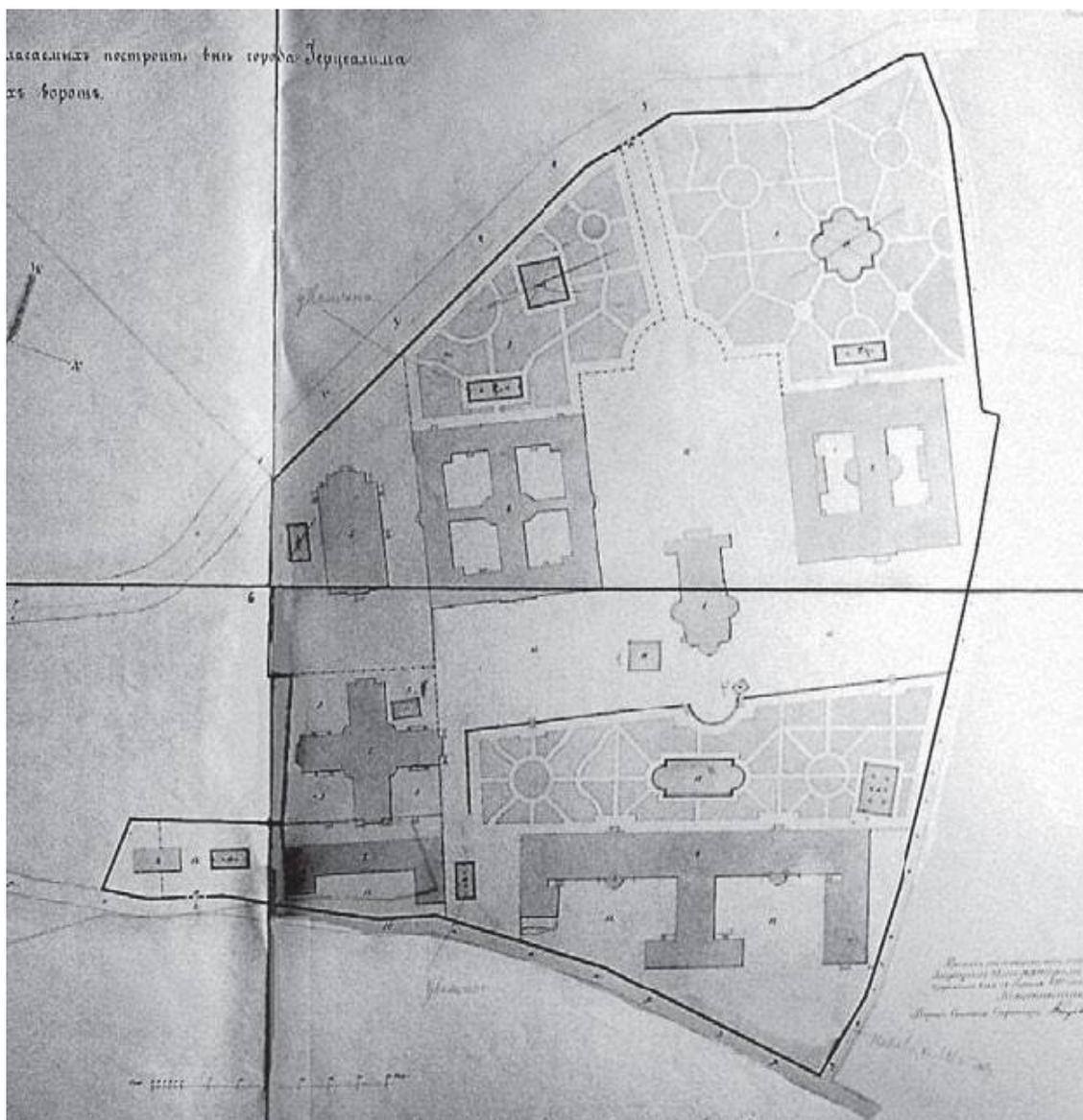
«Византийский стиль» был по преимуществу стилем культового зодчества. Храмы, построенные в «византийском стиле», всегда были православными⁷⁴. Сам стиль храма, таким образом, мог служить признаком конфессиональной идентификации, что было особенно важно при строительстве в Иерусалиме, где в это время строились храмы всех христианских конфессий.

В России в 1860-1870-е гг. храмы в «византийском стиле» были построены и в Петербурге, и на окраинах империи. Одним из первых примеров может служить церковь у Греческого посольства в Петербурге (1863–1866) по проекту Р.И. Кузьмина. Прототипами этой церкви служили малые византийские храмы Греции, но она отличалась от них симметричностью композиции и сухостью прорисовки деталей. В аналогичном стиле построены храмы по проектам Д.И. Гримма в Херсонесе (1861–1879)⁷⁵ и Тифлисе (1865–1870-е гг.). Эти сооружения отличает скрупулезное воспроизведение подлинных деталей византийского зодчества — двухчастные и трехчастные окна и аркады, опирающиеся на массивные колонны, плоский купол с полуциркульными окнами барабанов, аркатурные пояса.

⁷³ Борисова Е.А. Русская архитектура второй половины XIX в. М. 1979. С. 120.

⁷⁴ Кириченко Е.И. Русская архитектура 1830-1910-х годов. М. 1982. С. 159.

⁷⁵ Собор св. Владимира в Херсонесе заканчивал архитектор М.Г. Арнольд.

План Русского подворья. Арх. Ф.И. Эппингер. 1860 г. АВПРИ.

Собор св. Троицы в Иерусалиме (1860–1864), являющийся результатом коллективного творчества архитекторов Ф.И. и М.И. Эппингеров, принадлежит к самым ранним сооружениям, построенным в «византийском стиле». Некоторые особенности композиции и облика храма св. Троицы обнаруживают генетическое родство с классической традицией или представляют своеобразный синтез черт древнего византийского зодчества и зодчества Нового времени, где одно невозможно отделить от другого. На архитектурный облик собора св. Троицы в Иерусалиме, несомненно, оказал влияние стиль соборов афонских монастырей. Хотя в данном случае говорить ни о подражании, ни о заимствовании нельзя. Их роднит обращение к одному прототипу: величественного восходившего к византийским образцам пятикупольного, четырехстолпного храма. Столь же неоднородно происхождение плана собора, имеющего форму латинского креста. Центральная часть храма с пятикупольным завершением и гранеными апсидами с трех сторон отделена от западной части – нартекса с двумя башнями – трехнефной трапезной. Такая форма плана восходит к ранневизантийским сирийским церквям VI–VII вв., позже в XI–XIV вв. такие церкви строились в Восточной Европе: Сербии, Болгарии. Троицкий собор Русского подворья, а также церковь великомученицы Алексан-

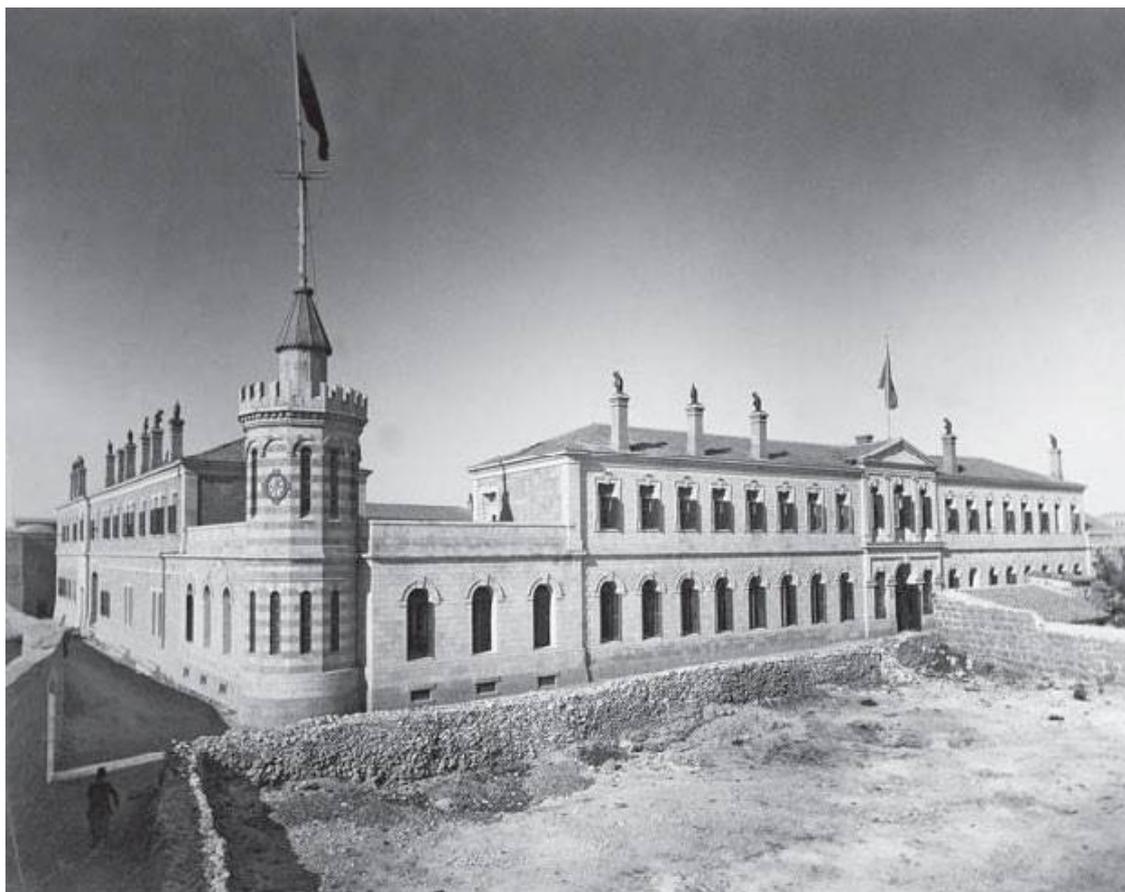
дры в здании Русской Духовной Миссии принадлежат к одному типологическому ряду с этими сооружениями, стилистически они развивают ту же архитектурную тему.

Эта разновидность «византийского стиля» как нельзя лучше отвечала идее панславизма, популярной в России в это время. Не случайно он стал достаточно широко применяться при строительстве русских церквей за границей. В большинстве своем это были храмы в честь святых, событий и праздников, связанных с юбилеем введения христианства и памятью событий Русско-турецкой войны⁷⁶. Такие соборы были построены в Риге (1880-е гг., арх. Р. Флуг), Гельсингфорсе (1868 г., арх. И.А. Варнек), Варшаве (1894-1900-е гг., арх. Л.Н. Бенуа), Софии (1897, арх. А.Н. Померанцев).

В 1880-1890-е гг. на смену «византийскому» стилю в русской архитектуре приходит «русский» стиль. Этому способствовало проведение в 1881 г. двух больших архитектурных конкурсов: на проект «Храма у подножия Балкан» и на проект храма на месте покушения на жизнь императора Александра II⁷⁷, в условиях которых были сформулированы требования проектирования в стиле XVII в. Причиной того, что именно в это время в русской архитектуре обозначился поворот к определенным историческим прототипам, было не только воцарение Александра III, но и события в политической жизни России, связанные с Русско-турецкой войной 1877–1878 гг. Данная разновидность «русского» стиля была принята для строительства русских церквей за границей в это время. Характерным примером церкви, построенной в «русском» стиле, принявшим за основу памятники московского и ярославского зодчества XVII в., является церковь св. Марии Магдалины в Гефсиманском саду. Строительство этой церкви явилось отражением нового этапа поисков национальной самобытности в архитектуре. Традиционное пятиглавие с луковичной формой куполов, использование в архитектурном убранстве декоративных элементов древнерусского зодчества являлось для современников знаком национальной русской архитектуры.

⁷⁶ Кириченко Е.И. Русская архитектура 1830-1910-х годов. М.1982. С. 159.

⁷⁷ Борисова Е.А. Русская архитектура второй половины XIX в. М. 1979. С. 249.

Сергиевское подворье (1886–1890). Фото конца XIX в.

Для гражданских построек этого времени было свойственно применение различных стилей. В декоративном убранстве фасадов Александровского и Сергиевского подворий были использованы элементы ордерных стилей поздней эклектики «ренессанс» и «барокко», а фасады церкви Александра Невского, являющейся частью Александровского подворья традиционно решены в «византийском стиле». В архитектурном убранстве фасадов Николаевского подворья появляются элементы стиля «модерн».

Таким образом, в русских постройках Иерусалима нашли отражение тенденции, характерные для русской архитектуры второй половины XIX – начала XX в. Смена стилевых направлений, свойственная «архитектуре выбора», была присуща и русским постройкам в Иерусалиме, так как здесь были представлены многие «стили», существовавшие в это время в архитектуре России. Но, все же господствующим стилем церковной архитектуры русских построек в Иерусалиме является «византийский стиль», а церковь Марии Магдалины в Гефсимании можно рассматривать как исключение из правила. Это объясняется тем, что главным заказчиком строительства монастырских храмов и храмов на святых местах являлся архимандрит Антонин, начальник Русской Духовной Миссии, Долгое время живший в Греции и занимавшийся там реставрацией древней византийской церкви, он также являлся приверженцем «византийского стиля».

Александровское подворье (1887–1891), Фото конца XIX в.

Все русские постройки в Иерусалиме можно разделить на две большие группы – здания, построенные по проектам профессиональных архитекторов, и здания, созданные без привлечения архитекторов, получивших профессиональную подготовку.

Здания, относящиеся к первой группе, – Русское подворье, Александровское, Сергиевское, Николаевское подворья и церковь Марии Магдалины – были построены по заказу российского правительства и при непосредственном участии Палестинского Комитета и Православного Палестинского Общества. В этих постройках нашли отражение тенденции, характерные для архитектуры России и Европы второй половины XIX – начала XX в. Этому способствовало участие в их создании выпускников петербургской Академии Художеств (братья Ф.И. и М.И. Эппингеры, Д.И. Grimm, М.Т. Преображенский, А.Е. Элкин) и иерусалимских архитекторов, получивших европейское архитектурное образование (Г. Франгия, К.Шик).

Заказчиком монастырских построек в 1870–1895 гг. был архимандрит Антонин (Капустин). Им были приобретены земельные участки и построены первые сооружения в Спасо-Вознесенском и Горненском монастырях и Вениаминовское подворье. Для их строительства он привлекал бригады местных мастеров. Несколько особняком в этом ряду стоят Вознесенский собор и колокольня Спасо-Вознесенского монастыря, построенные итальянскими мастерами (Антонио Лонгодорно, Иоанн-Баптист Бизелли). В 1900-х гг. архимандритом Леонидом (Сенцовым) было начато строительство монастырских соборов, которые не были закончены. Эти постройки продолжают традицию строительства «хозяйственным способом». От построек первой группы их отличает простота планировочных схем и декоративного убранства фасадов.

История строительства русских учреждений в Святой земле начинается с создания Русского подворья в Иерусалиме в 1860–1864 гг., над проектом которого работали выпускники петербургской Академии художеств архитекторы Федор и Мартын Эппингеры.

Участок, на котором было начато строительство Русского подворья в 1860 г., находился к северо-западу от Старого города. Еще в 1859 г. Палестинским комитетом были куплены в этом месте несколько небольших участков земли у частных лиц. А во время визита Великого князя Константина Николаевича в Палестину еще один участок, протянувшийся вдоль Яффской дороги, был ему подарен турецким султаном. Таким образом, место для строительства Русского подворья было определено.

В выборе места строительства Русского подворья на Мейдамской площади решающую роль сыграло расположение его в непосредственной близости от стен Старого города, что обеспечивало доступность для паломников храма Гроба Господня, и расположение его на Яффской дороге, связывающей Иерусалим со средиземноморским побережьем.

Кроме того, напротив него, по другую сторону от Яффской дороги, находился участок, называемый Мамилла, занимающий около 3000 кв. саженей. По местному преданию здесь был монастырь во имя св. Вавилы, разрушенный в одно из варварских нашествий. На этом месте планировалось устройство православного кладбища и часовни во имя св. мученика Вавилы.

Проект «Русских построек» был разработан петербургским архитектором, Федором Ивановичем Эппингером⁷⁸. Он родился в Петербурге в 1816 г., в 1832 г. поступил в Императорскую Академию Художеств, обучался у профессора К. А. Тона, во время прохождения курса получил малую и большую серебряные и малую золотую медали. В 1839 г. окончил академию со званием художника XIV класса и с большой золотой медалью, полученной за проект здания театрального училища. После этого в течение года Ф.И. Эппингер состоял младшим помощником архитектора на строительстве Введенского собора лейб-гвардии Семеновского полка в Петербурге. Затем, в качестве пенсионера Академии, отправился за границу. Посетив Истрию, Далмацию, Венецию и некоторые другие города Италии, он поселился в Риме, где выполнял чертежи и акварельные рисунки местных памятников зодчества. В 1851 г. Ф.И. Эппингер был удостоен звания академика архитектуры за проект реставрации Латеранского дворца. После возвращения в С.-Петербург в 1853 г. Ф.И. Эппингер получил место старшего архитектора при попечительском совете заведений общественного призрения и занимался реконструкцией петербургской городской богадельни, Обуховской, Калининской, Волковской и Мариинской больниц. В 1857 г. он получил место архитектора при департаменте внешней торговли, поэтому выбор его в качестве архитектора-проектировщика Русского подворья в Иерусалиме не случаен.

На генплане, подписанном Ф.И. Эппингером, территория Русского подворья представляет собой трапециевидный, вытянутый с запада на восток участок, разделенный на две неравные части. Большую часть занимают собор во имя Святой Живоначальной Троицы, здание Духовной Миссии с домовою церковью и два паломнических приюта – квадратное в плане для мужчин и Е-образное, расположенное к востоку от собора, для женщин. К югу от основной группы зданий находятся больница, здание служб (впоследствии на этом месте было построено Консульство) и, между ними, дом для «приезжих лиц благородного сословия»⁷⁹, расположенные на одной композиционной оси. В более ранней редакции плана Русских построек здания женского и мужского приютов располагались в одинаковых квадратных в плане корпусах, фланкирующих собор с южной и северной сторон. А к востоку от собора располагались два небольших хозяйственных корпуса бани и прачечной.

⁷⁸ РГИА, Ф. 789. Оп. 14. Е.х. 7-«Э».

⁷⁹ АВПРИ, ф. 351, оп. 911, е.х. 43, л. 3.

Горненский монастырь. Общий вид. Фото конца XIX в.

В Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) хранятся два комплекта чертежей русских построек – один из них, включающий генеральный план участка и проекты всех зданий, входящих в его состав, разработан Ф.И. Эппингером, другой – его братом Мартыном Ивановичем Эппингером, который в 1860 г. был утвержден в должности Главного строителя подворья. Причина, по которой Ф.И. Эппингер сам не поехал в Иерусалим руководить строительством, нам не известна. Возможно, этому помешало его назначение на должность профессора-преподавателя в архитектурном классе Академии Художеств в 1858 г.

Мартин Иванович Эппингер (1822–1872) был на шесть лет младше своего брата. Получив общее образование в училище при Санкт-Петербургской лютеранской церкви св. Петра, он в 1838 г. поступил в своекоштные ученики академии художеств. Обучался в Академии художеств под руководством профессора Александра Андреевича Тона. В 1842 г. окончил курс в Академии со званием художника. За время обучения был награжден малой и большой серебряной медалями. После окончания Академии поступил на службу в звании младшего архитектора на строительство Придворно-служительского дома. После чего до 1851 г. состоял младшим архитектором при строении Гатчинского дворца и собора. В 1852 г. «по известным трудам в архитектурном художестве» получил звание академика архитектуры. В 1853 г. М.И. Эппингер отправляется за свой счет за границу, где изучает древние монастыри на Афоне. Здания Русского подворья в Иерусалиме (1860–1864) являются главными произведениями архитектора, за них в 1862 г. он был признан почетным вольным общником Академии художеств⁸⁰.

⁸⁰ РГИА ф.789, оп. 14, е.х. 6-«Э», л. 14.

Вознесенский собор (1876–1881). Строительство колокольни. Вид с севера. Фото, 1880-е гг.

В материалах по архитектуре Иерусалима в качестве архитектора Русского подворья всегда упоминается Мартын Эппингер. Однако автором первоначального замысла ансамбля, генплана и первоначального проекта всех зданий подворья является Федор Иванович.

Вклад Мартына Ивановича Эппингера в создание Русского подворья также велик. Очевидно, после назначения Главным строителем, им были переработаны проекты всех построек Русского подворья – собора Св. Живоначальной Троицы, мужского и женского паломнических приютов, больницы, разработан проект здания Консульства⁸¹.

Собор Св. Живоначальной Троицы соединяет в своей композиции крестово-купольное пятиглавие центрального объема и базиликальную трапезную с нартексом и двумя лестничными башнями, фланкирующими западный фасад. Внутренняя структура храма нашла отражение на его фасадах. Центральное пространство собора, увенчанное пятиглавием, на северном и южном фасадах выделено в отдельный объем, выступающий из плоскости стены. Световые барабаны завершаются невысокими куполами. На гранях барабанов чередуются арочные оконные проемы и ниши, украшенные треугольными щипцами и трехчетвертными колонками.

В проекте М.И. Эппингера было изменено декоративное оформление двух лестничных башен, фланкирующих западный фасад храма: проемы на их завершениях стали прямоугольными, оформленными угловыми пилястрами с классическими капителями, появился венчающий карниз классического профиля, граненые купола. Их стилистическое решение отличается от решения барабанов центрального пятиглавия и несколько выпадает из единого

⁸¹ Подробно обо всех постройках Русского подворья смотри Т.И. Крашенинникова. «Русское подворье в Иерусалиме, его архитектурно-планировочные особенности» // Христианское зодчество. Новые материалы и исследования. М. 2004. С. 625–648.

архитектурного образа храма. Были скорректированы также пропорции малых барабанов пятиглавия: за счет уменьшения высоты их цоколей и увеличения ширины оконных проемов они кажутся более массивными.

М.И. Эппингер отказался от небольшого барабана с куполом над центральной апсидой собора и усложнил декоративное убранство центральной части храма. В венчающем карнизе центрального объема справа и слева от треугольных фронтонов над апсидами появился фриз с триглифами и медальонами с крестами. Западный фасад в редакции М.И. Эппингера стал более четко структурирован – лестничные башни выделены в отдельные объемы с помощью угловых пилястр, между которыми появились арочные пояски, повторяющие членения боковых фасадов. Кроме того, была увеличена высота лестничных башен, которые заняли доминирующее положение на западном фасаде собора.

К северу от Троицкого собора было построено здание мужского приюта. В отличие от первоначального плана оно было построено одноэтажным, и немного выступающий ризалит входной группы на восточном фасаде был увенчан простым фронтоном. Аналогично была решена входная группа женского приюта, который представлял собой протяженный одноэтажный Е-образный в плане корпус. Оба приюта имели коридорную систему планировки. Помещения для паломников представляли собой достаточно просторные палаты на 6, 8 и более человек с каменными полами, сводчатыми перекрытиями и небольшими прямоугольными окнами.

Строительство Русского подворья было в основном завершено в 1864 г., но освящение Троицкого собора произошло только осенью 1872 г. Храм был освящен Патриархом Иерусалимским в присутствии брата Александра II великого князя Николая Николаевича Старшего.

Строительство Русского подворья в Иерусалиме кроме чисто утилитарных решало еще идеологические и художественные задачи. Подворье было визитной карточкой, представлявшей Россию и ее многовековую культуру. Являясь смысловой и композиционной доминантой Русского подворья, определяющий масштаб и стилевое единство всех остальных его сооружений, собор Св. Троицы должен был олицетворять идею присутствия России в Палестине и подчеркивать характер Русской Духовной Миссии, призванной представлять Русскую Православную Церковь – духовную преемницу Византийской церкви – на Востоке. Кроме того, стиль собора был органичен месту строительства, так как Палестина ранее входила в состав Восточной Римской империи.

В 1886 г. напротив северного фасада мужского приюта Русского подворья началось строительство нового подворья, проект которого по заказу Православного Палестинского Общества был выполнен Георгием Франгия, иерусалимским архитектором, хорошо зарекомендовавшим себя на строительстве церкви Марии Магдалины в Гефсиманском саду⁸². В 1880-е гг., когда вокруг Русского подворья начали строиться новые жилые кварталы, возникла необходимость благоустройства прилегающих территорий, устройства системы ливневой канализации и обеспечения подворья питьевой водой. В это время Г. Франгия были разработаны несколько проектов благоустройства подворья: проект по устройству канализационных каналов с отводом в городскую канализационную систему, проект здания прачечной у Мариинского приюта, но практически ничего не было сделано из-за недостатка средств⁸³.

⁸² О Г. Франгия см.: Т.И. Крашенинникова. Русские постройки в Иерусалиме в 1880–1890-е гг. (Александровское и Сергиевское подворья, церковь Св. Марии Магдалины в Гефсиманском саду) // Архитектурное наследие русского зарубежья. Вторая половина XIX – первая половина XX в. С.-Петербург. 2008. С. 198–211.

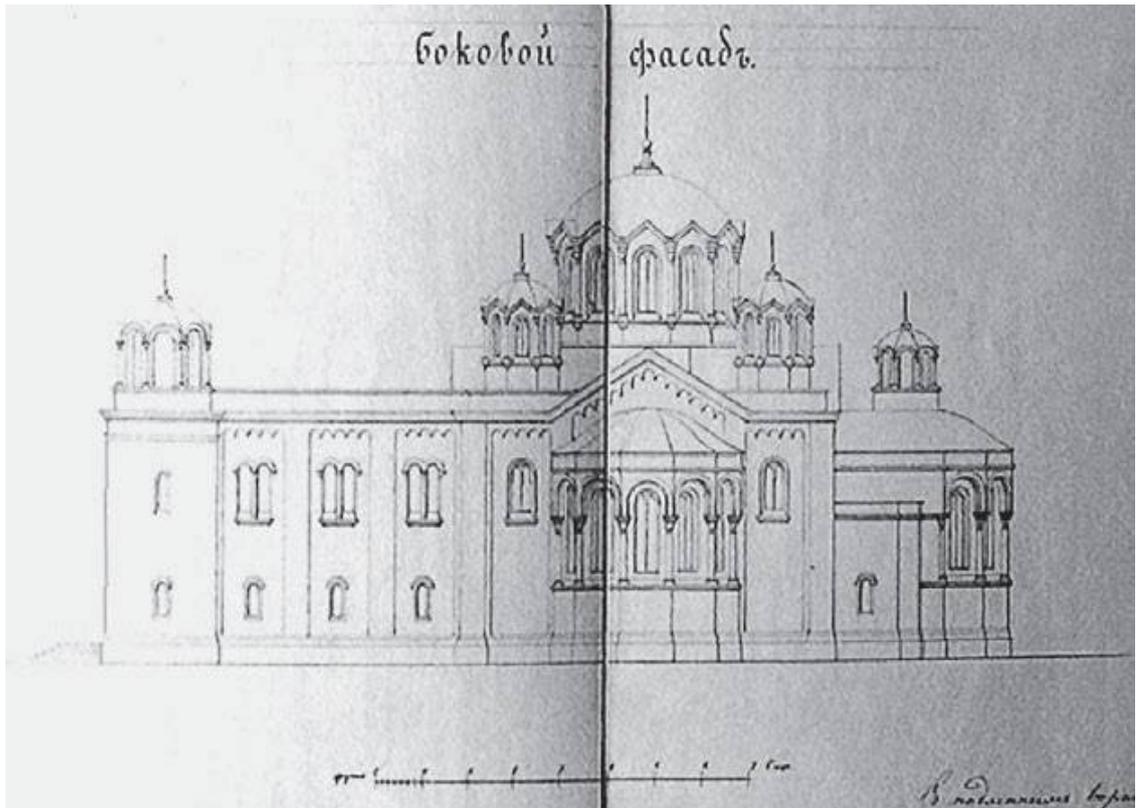
⁸³ АВПРИ Фонд 337/2 РИППО, оп.873/5 е.х. 32.

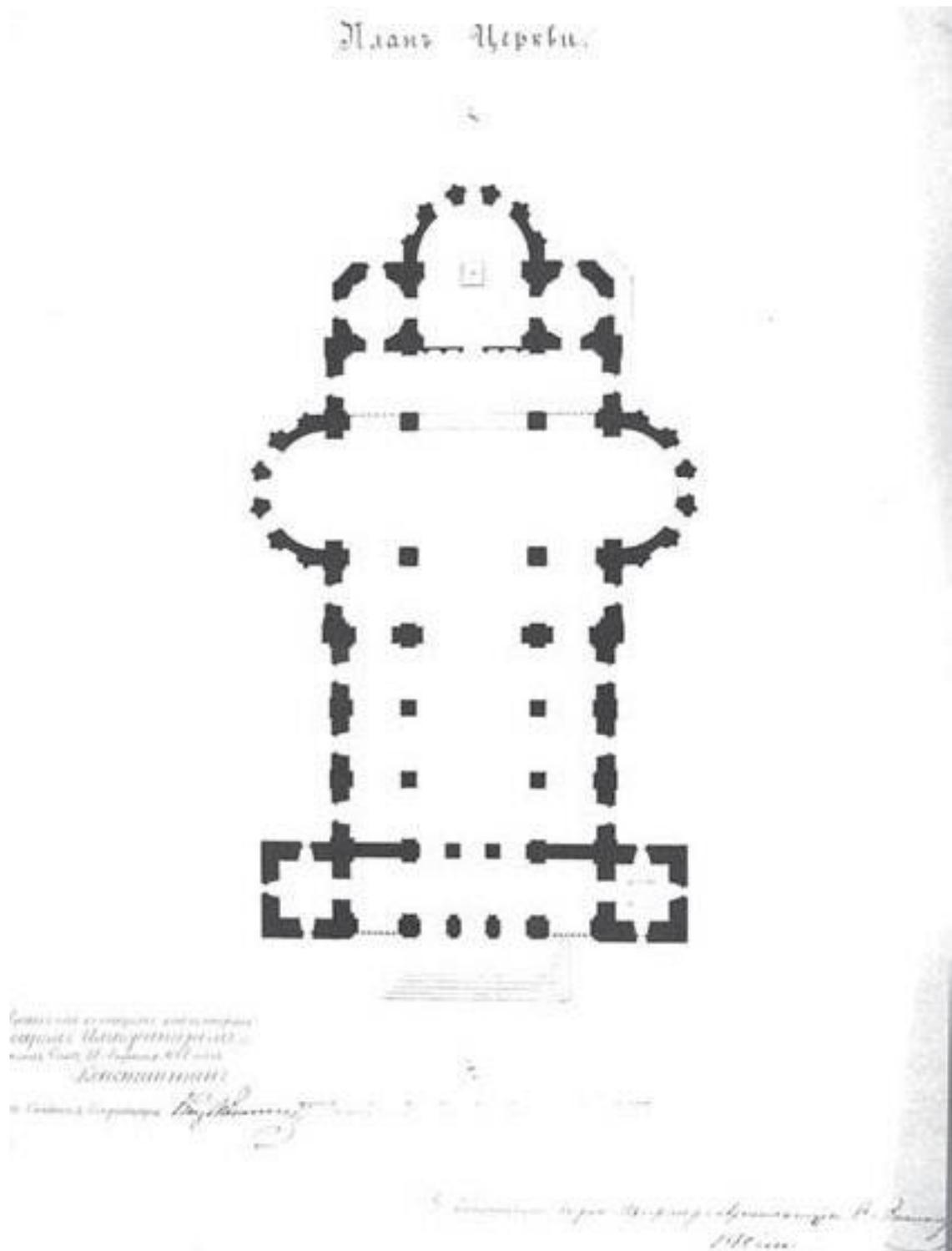
Церковь Марии Магдалины. Вид с севера. Фото, 1890-е гг.

К моменту окончания строительства в 1864 г. в Русском подворье могло разместиться около тысячи паломников. Но вскоре места в приютах стало недостаточно: иногда в Русском Подворье размещалось до 2000 человек. Когда паломников бывало особенно много, например, на Пасху и Рождество, на территории подворья устанавливали палатки, позже к западу от мужского приюта были построены железные бараки. Но эти мероприятия не могли радикально улучшить условия жизни паломников и санитарно-гигиенические условия жизни в подворьях: проблема размещения паломников становилась все более острой. В феврале 1890 г. Г. Франгия были выполнены проекты надстройки вторым этажом мужского и женского приютов, что существенно увеличило бы их площадь⁸⁴. Эти работы также не были осуществлены.

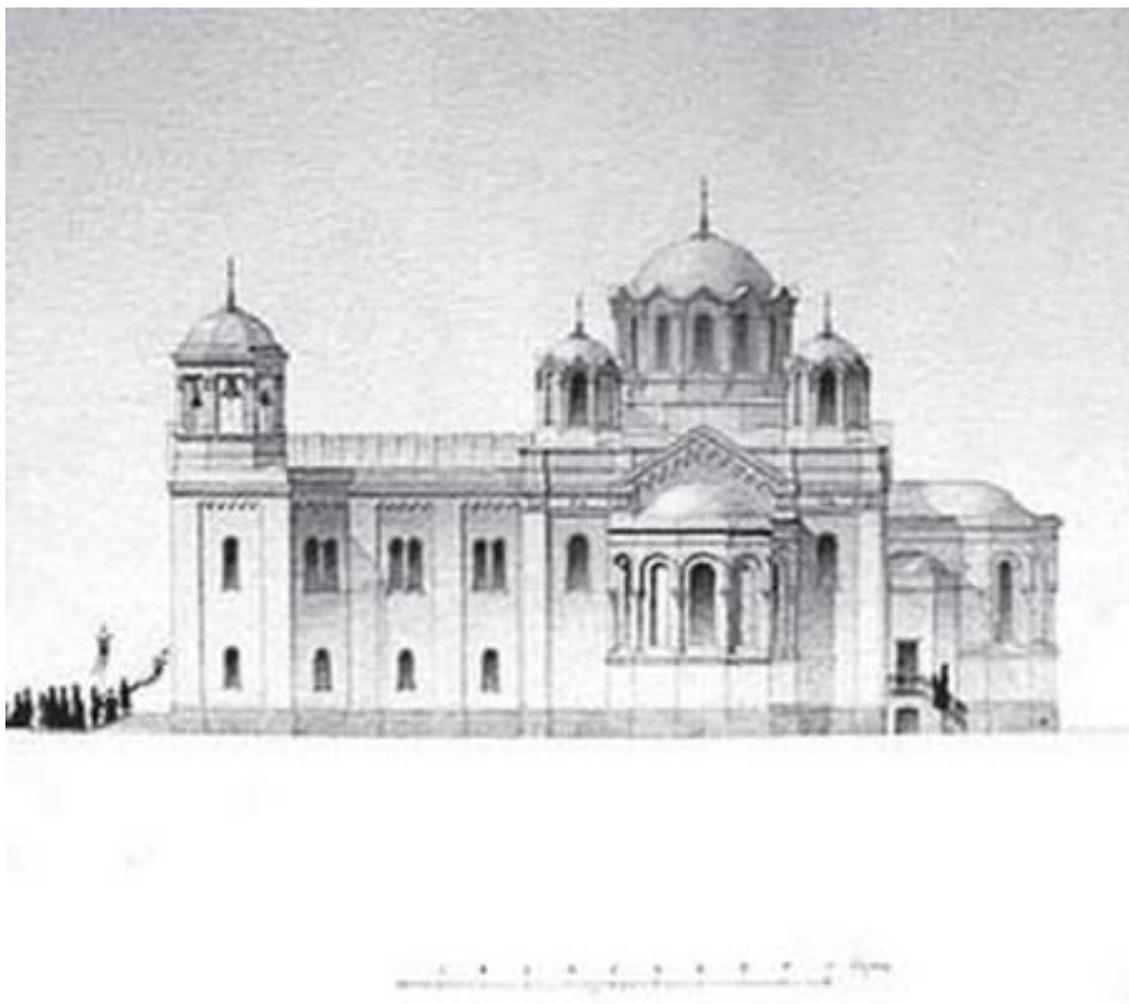
⁸⁴ АВПРИ Фонд 337/2 РИППО, оп.873/13 е.х. 370, л. 23–55.

Собор св. Троицы. Южный фасад. Арх. Ф.И. Эппингер. 1860 г. АВПРИ.

Собор св. Троицы. План. Арх. Ф.И. Эппингер. 1860 г. АВПРИ.

Собор св. Троицы. Южный фасад. Арх. М.И. Эппингер. 1860 г. АВПРИ.

Проблема недостатка мест для паломников не была решена даже после окончания строительства нового подворья в 1890 г. В это время территория Русского подворья была разделена между тремя русскими учреждениями в Иерусалиме: часть территории была выделена во владение иерусалимского генерального консульства, другая – во владение Русской Духовной Миссии, третья, площадью 52429 м², – во владение Православного Палестинского Общества⁸⁵. Было решено построить новые паломнические приюты в северо-западной части Русского подворья. Новое подворье должно было состоять из двух корпусов, расположенных вдоль ограды и южного корпуса, примыкающего к Елизаветинскому подворью. Будущее Николаевское подворье должно было размещаться на территории Палестинского общества, которое финансировало его строительство.

Первый проект нового подворья был выполнен Г. Франгия еще в 1893 г.⁸⁶ По этому проекту подворье было одноэтажным. В западном корпусе, выходящем на Яффскую улицу, решено было разместить магазины, которые планировалось сдавать в аренду. В проекте Г. Франгия был сделан и второй двухэтажный вариант западного флигеля, во втором этаже которого располагались жилые помещения. В целом этот проект не соответствовал потребностям Палестинского Общества: одноэтажные корпуса были рассчитаны всего на 722

⁸⁵ Россия в Святой Земле. Документы и материалы. / Под редакцией Н.Н. Лисового. М. 2000. Т. 1. С. 691. РГИА, ф. 835, оп. 1, е.х. 1116.

⁸⁶ АВПРИ, ф. 337/2 РИППО, он. 873/13 е.х. 370, л. 7.

места. Вопрос о строительстве еще одного паломнического приюта снова был поднят Палестинским Обществом в 1900 г. Тогда решили, что поручать строительство иерусалимским архитекторам нежелательно, т. к. невозможно требовать от них гарантий качества исполнения постройки⁸⁷.

В апреле 1902 г. Палестинское Общество заключило договор на строительство южного корпуса паломнического приюта с петербургским архитектором А.Е. Элкиным⁸⁸. В январе 1903 г. Советом Палестинского Общества были утверждены представленные архитектором планы южного корпуса и смета на строительство равная 432169 фр. 25 с.⁸⁹ Генеральный план участка практически повторяет проект Г. Франгия. Северный и западный корпуса планировалось построить на месте оградной стены, они должны были формировать фронт уличной застройки. В западном корпусе также планировалось расположение магазинов на первом этаже. По сравнению с проектом Франгия высота корпусов увеличивалась до трех этажей.

Первым было решено построить южный корпус⁹⁰, хотя это и вызвало протест главы Русской Духовной Миссии архимандрита Александра Головина. Он планировал увеличение площади храма Св. Троицы и считал, что расположение Николаевского подворья в непосредственной близости от собора ухудшит внешний вид всего Русского подворья.

В мае 1903 г. Совет Палестинского Общества признал необходимым для решения вопросов и выяснения недоразумений командировать в Иерусалим академика архитектуры М.Т. Преображенского⁹¹.

Член Палестинского Общества М.Т. Преображенский должен был не только уладить конфликт с начальником Русской Духовной Миссии, но также «...произвести осмотр и ревизию с архитектурной и технической стороны всех учреждений, находящихся в Иерусалиме, Бейт-Джале и иных местах, а также некоторых земельных участков Общества»⁹². Осмотрев участок строительства нового подворья. Преображенский пишет П.И. Остроумову⁹³: «Площадь перед собором размером 3750 м² достаточна для 11000 паломников. Вся же площадь с боковыми частями – 6250 м². Застроить границы участков паломническими подворьями несовременно и невозможно, так как они большую часть года пустуют. Лучше застроить границы магазинами и сдавать их внаем...»⁹⁴.

⁸⁷ Там же, л. 33.

⁸⁸ Элкин Алексей Евфимьевич (1870-?) окончил Высшее художественное училище при ИАХ в 1898 г. со званием художника-архитектора.

⁸⁹ АВПРИ, ф. 337/2 РИППО, оп.873/1 е.х. 268, л. 57.

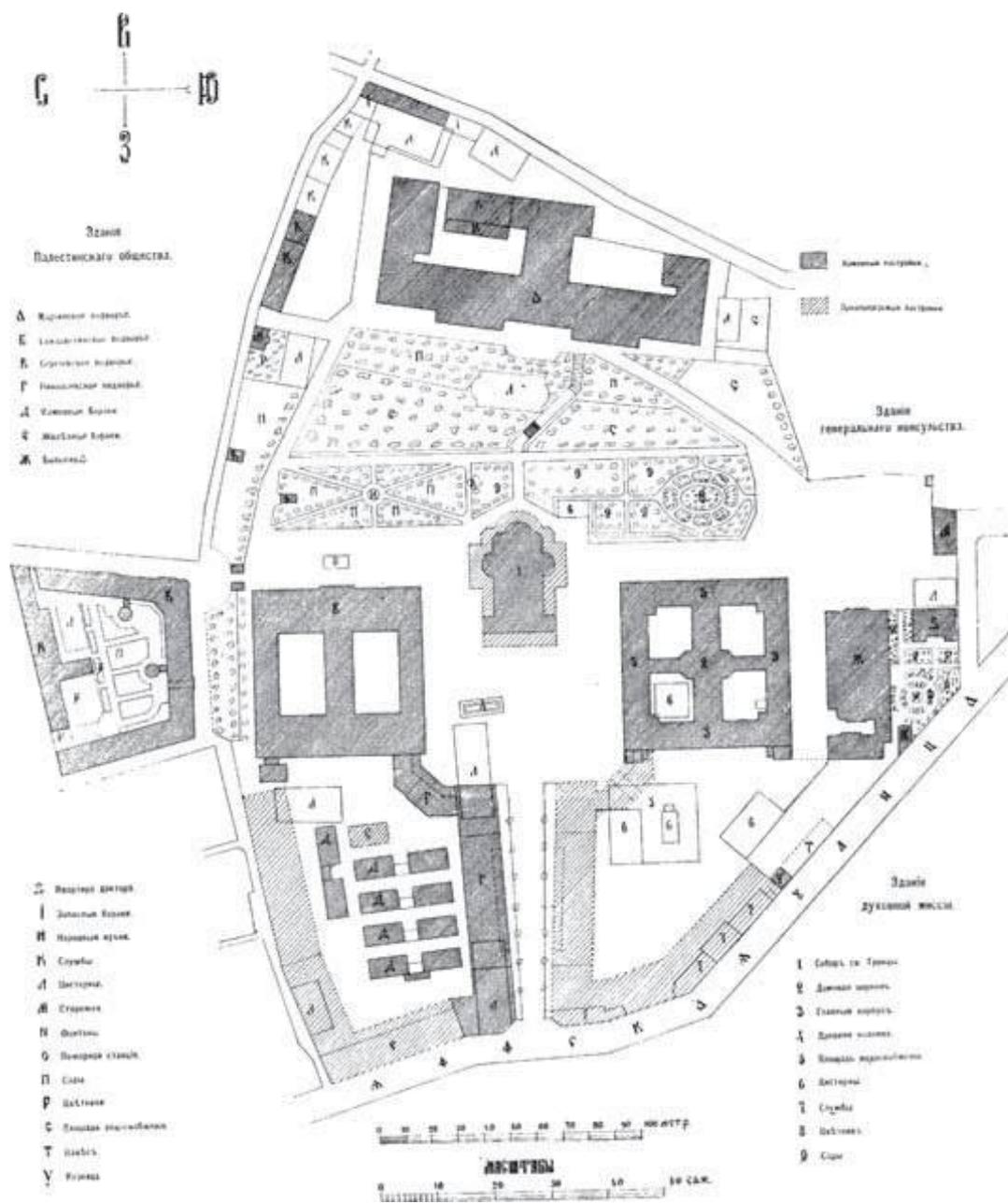
⁹⁰ Там же, л. 57.

⁹¹ Там же, л. 146.

⁹² Там же, л. 97об.

⁹³ Остроумов П.И. – директор Хозяйственного Управления при Святейшем Синоде.

⁹⁴ АВПРИ, ф. 337/2 РИППО, оп. 873/1 е.х. 268, л. 126об.-127.

План Русского подворья. 1903 г. // Русские учреждения в Святой Земле и почившие деятели Императорского Православного Палестинского общества 1882–1907. СПб., 1907.

М.Т. Преображенским был выполнен генеральный план Русского подворья с новыми корпусами подворья⁹⁵, который был передан А.Е. Элкину для корректировки проекта. В письме М.П. Степанову⁹⁶ от 1 июля 1903 г. Преображенский пишет: «Вследствие увеличения соборной площади и сокращения перехода за красную линию, проект Южного корпуса Николаевского подворья значительно урезан мною по своей длине и частью ширине, но, несмотря на это, паломнических мест получилось на 41 кровать больше»⁹⁷.

⁹⁵ РГИА, ф. 835, оп. 1, е.х. 1116.

⁹⁶ Степанов М.П. – товарищ председателя Палестинского Общества.

⁹⁷ АВПРИ Фонд 337/2 РИППО, оп. 873/1 е.х. 268, л. 140об.

Николаевское подворье. Вид с юго-востока // Русские учреждения в Святой Земле и почившие деятели Императорского Православного Палестинского общества 1882–1907. СПб., 1907.

Первоначальный план южного корпуса приюта был переделан Элкиным по замечаниям Преображенского⁹⁸. На новом генеральном плане Русского подворья, опубликованном в 1907 г., видно, что напротив южного корпуса со временем должен был появиться северный корпус, пристроенный к зданию Русской Духовной Миссии. Соборная площадь приобрела бы замкнутый характер. Два параллельно расположенных корпуса образовывали бы пропилюи при въезде на территорию подворья и на главную соборную площадь.

Преображенский, обосновывая свое решение, пишет: «...на застройку только границ обширного русского участка я не могу согласиться: если за последнее время постройки производились без всякого строительного плана, как вздумается, представляя местами по своим закоулкам скорее татарский квартал, чем благоустроенное место, то и застройка границ не может быть правильным решением этого вопроса, тем более что в центре сего места возвышается собор, а на некотором расстоянии от него вполне удачно по своему масштабу группируются 3 больших корпуса. Остается только продолжить монументальную распланировку первого архитектора – выдвинуть на первый план собор, образовать по его западному входу аллею с главной Яффской улицы и, окружив его правильными постройками закрыть все закоулки, второстепенные постройки и хозяйственные службы, чтобы площадь перед храмом всегда бы имела чистый и опрятный вид. Уширяющаяся к собору аллея с проектированной галереей со стороны Южного корпуса и с подобным же впоследствии зданием со стороны Миссии, выстроенным сразу или же частями, дает великолепную перспективу парадного въезда в Русское владение, в конце которого на обширной и возвышенной площади будет стоять весь открытый с Яффской улицы наш православный собор. Эта предстательность и грандиозность в общей распланировке зданий, какую будут иметь тогда рус-

⁹⁸ АВПРИ, ф. РИППО 337/2, оп. 873/1, е.х. 270, л. 30об.

ские постройки, недоступна уже будет ни одному инославному исповеданию в Иерусалиме в центре города»⁹⁹.

Закладка южного корпуса приюта состоялась 5 сентября 1903 г. А в 1906 г. здание было достроено¹⁰⁰. Новый паломнический приют мог вместить 1218 человек и стоил Палестинскому обществу 168546 рублей.

Южный корпус подворья, названный позже Николаевским, представляет собой вытянутое с запада на восток каменное здание, центральная часть которого выше фланкирующих ее крыльев за счет невысокой мансарды. Новый корпус был соединен с мужским паломническим приютом переходом с проездной аркой. В подворье были общие палаты для паломников и комнаты 3 класса. Ширина корпуса – 15 м, две лестничные клетки расположены поперек корпуса в центральной части здания. Общая протяженность корпуса около 100 м. К северу от Николаевского подворья располагались каменные и железные бараки.

Западный фасад здания, выходящий на Яффскую улицу, – самый парадный. Окна первого этажа западного торцового фасада представляли собой широкие витрины, простенки между которыми были украшены филенками. Окна второго и третьего этажей были прямоугольными, обрамленными наличниками с замковыми камнями как на Сергиевском подворье. Он напоминает фасад доходного дома, с магазинами на первом этаже и с жилыми помещениями на втором и третьем этажах. В центральной части расположены небольшие балконы с металлическими решетками. Углы здания – рустованные, прямоугольные оконные проемы с лучковой перемычкой обрамлены наличниками и сандриками с замковыми камнями. На южном фасаде центральной части здания на первом и втором этажах были устроены открытые галереи с входами в общие палаты для паломников.

В настоящее время собственностью России в Русском подворье являются только здания Троицкого собора и Русской Духовной Миссии. Целостность подворья нарушена, снесена ограждающая стена, почти все здания, за исключением собора Св. Троицы и, частично, здания Русской Духовной Миссии, поменяли свое назначение, кроме того, свободную площадь между зданиями бывшей русской больницы и бывшего Консульства занял современный комплекс иерусалимского муниципалитета, построенный в 1995 г. Но, несмотря на все изменения градостроительной ситуации, здания, входящие в ансамбль Русского подворья, до сих пор формируют городской квартал. Масштабные здания собора, Русской Духовной Миссии и паломнических подворий контрастируют с более мелкомасштабной окружающей застройкой.

Архитектурные памятники Русского подворья, ставшие первыми составляющими культурного феномена, получившего впоследствии название Русская Палестина, еще не оценены по достоинству. Однако эти сооружения, в создании которых принимали участие известнейшие русские архитекторы эпохи историзма, являются интереснейшими памятниками русской архитектуры. На протяжении долгого времени они были исключены из культурного и научного контекста, их изучением практически не занимались, тем не менее, они являются неотъемлемой частью русской культуры. Изучение произведений русских зодчих за рубежом несомненно очень важно для формирования более полной и объективной истории отечественной архитектуры, для расширения типологических и географических границ российского зодчества, а также для переоценки его вклада в мировую культуру.

⁹⁹ АВПРИ, ф. РИППО 337/2, оп. 873/1, е.х. 268, л. 141об.

¹⁰⁰ АВПРИ, ф. РИППО 337/2, оп. 873/1, е.х. 270, л. 31.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.